

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование кафедры)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль)/специализация)

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ)

Студент

А.О. Сорокин

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

О.Ю. Савельева

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Допустить к защите

Заведующий кафедрой к.ю.н., доцент С.В. Юношев

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная подпись)

« _____ » _____ 20 _____ Г.

Тольятти 2019

АННОТАЦИЯ

Настоящая дипломная работа посвящена исследованию вопросов, связанных с уголовной ответственностью за злоупотребление полномочиями. В последние годы наблюдается увеличение числа привлекаемых к уголовной ответственности лиц, осуществляющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, о чем свидетельствуют данные судебной статистики, публикуемые Судебным департаментом при Верховном Суде РФ. Речь идет о преступлениях, предусмотренных ст. 201 УК РФ.

Уголовно-правовые практики российских юридических фирм, как правило, осуществляют защиту интересов топ-менеджеров и владельцев бизнеса по уголовным делам, в том числе в ситуациях, когда незаконное уголовное преследование инициируется конкурентами с целью устранения экономического субъекта с рынка.

Целью дипломной работы является анализ отношений, складывающихся в связи с управлением юридическими лицами, как объекта уголовного правового регулирования (уголовно-правовой охраны).

Объектом дипломной исследования являются отношения, возникающие между юридическим лицом и субъектами управления в связи с осуществлением последними своих управленческих полномочий.

Предметом исследования выступают исследования выступает уголовно-правовой аспект указанных отношений.

Работа написана на основе обширного круга источников, включающего как учебную и специальную литературу, так и правовые акты.

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования.

Объем работы в целом составляет 87 листов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ	7
1.1. Злоупотребление полномочиями в системе преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях	7
1.2. Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями по зарубежному законодательству	22
ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ	28
2.1. Объективные признаки злоупотребления полномочиями	28
2.2. Субъективные признаки злоупотребления полномочиями	36
ГЛАВА 3. ОТГРАНИЧЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ.....	58
3.1. Отграничение от злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа	58
3.2. Отграничение от мошенничества	61
3.3. Отграничение от преступлений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве и преднамеренным банкротством.....	65
3.4. Отграничение от злоупотребления должностных полномочий.....	71
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	77
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	80

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется тем, что в последние годы наблюдается увеличение числа привлекаемых к уголовной ответственности лиц, осуществляющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, о чем свидетельствуют данные судебной статистики, публикуемые Судебным департаментом при Верховном Суде РФ¹. Речь идет о преступлениях, предусмотренных ст. 201 УК РФ.

В криминологической литературе указанные преступления относят к экономической преступности, которую также принято называть «беловоротничковой» (white-collar crime, или WCC) – термин, введенный в научный оборот американским криминологом Эдвином Сатерлендом.

Уголовно-правовые практики российских юридических фирм, как правило, осуществляют защиту интересов топ-менеджеров и владельцев бизнеса по уголовным делам, в том числе в ситуациях, когда незаконное уголовное преследование иницируется конкурентами с целью устранения экономического субъекта с рынка².

Степень разработанности темы. Несмотря на наличие обширного объема научной, научно-методической и учебной литературы, посвященной проблемам уголовной ответственности лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, большая часть исследователей ограничивается исключительно уголовно-правовым анализом, в редких случаях прибегая к отдельным положениям законодательства иной отраслевой принадлежности для установления признаков составов преступлений, предусмотренных бланкетными нормами уголовного закона. Однако и в этих

¹ Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

² Квач В. Дела против бизнесменов спровоцировали рост уголовной практики у юрфирм [Электронный ресурс] // Газета «Деловой Петербург»: https://www.dp.ru/a/2015/12/09/Kriminalnie_vorotnichki/ [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

случаях практика применения соответствующих законодательных положений зачастую обходится стороной. Комплексные межотраслевые исследования правового регулирования отношений по управлению юридическими лицами с акцентом на уголовно-правовом аспекте такого регулирования в настоящее время отсутствуют.

Объект и предмет исследования. *Объектом* исследования являются отношения, возникающие между юридическим лицом и субъектами управления в связи с осуществлением последними своих управленческих полномочий.

Предметом исследования выступает уголовно-правовой аспект указанных отношений.

Цели и задачи исследования. *Целью* данной работы является анализ отношений, складывающихся в связи с управлением юридическими лицами, как объекта уголовного правового регулирования (уголовно-правовой охраны).

Для достижения поставленной цели в рамках настоящего исследования, необходимо решить следующие задачи:

- определение места злоупотребления полномочиями в системе преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях;
- проведение сравнительно-правового анализа уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями по зарубежному законодательству;
- анализ объективных признаков злоупотребления полномочиями;
- анализ субъективных признаков злоупотребления полномочиями;
- проведение отграничения злоупотребления полномочиями от смежных составов.

Методы и методика исследования. В процессе исследования автору также пришлось обращаться к частным методам, а именно логико-юридическому, сравнительно-правовому, технико-юридическому и структурно-функциональному методам.

Теоретическая основа исследования. При подготовке работы большую помощь оказали труды таких авторов как: А. Бриллиантов, Е.Г. Быкова, Н.А.

Егорова, С.В. Изосимов, Н.А. Каменский, Е.В. Медведев, А.В. Ташкинов, П. Яни, С.А. Яшков и работы других авторов.

Нормативную правовую основу исследования составили такие нормативные акты как: Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ и другие нормативные акты по теме исследования.

Структура работы. Дипломная работа состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения и списка используемых источников и литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ

1.1. Злоупотребление полномочиями в системе преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях

Нормы гл. 23 УК РФ предусматривают уголовную ответственность за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Объединение нескольких статей в самостоятельную главу уголовного закона предполагает наличие у соответствующих преступлений единого видового объекта. Некоторые авторы ставят под сомнение наличие такового у преступлений, предусмотренных гл. 23 УК РФ¹, однако предпримем попытку обосновать ошибочность их взглядов (отдавая себе отчет в том, что в ряде случаев выделение видовых объектов в УК РФ носит весьма условный характер).

Так, ст. 201 УК РФ предусматривает ответственность за злоупотребление полномочиями, т.е. использование лицом, выполняющим управленческие функции коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. Исходя из характеристики деяния и субъекта можно сделать вывод о непосредственном объекте преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ. Таковыми выступают отношения, возникающие в связи с использованием физическими лицами полномочий по управлению определенными видами юридических лиц (предусмотренных в примечании к

¹ Изосимов С.В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления, совершаемые в коммерческих и иных организациях: История, современность, перспективы развития. - СПб, 2013. - С. 7; Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики // Российский криминологический взгляд. – 2006. - №3. - С. 136-137.

ст. 201 УК РФ) и предполагающие обязанность таких физических лиц использовать соответствующие полномочия в интересах юридических лиц.

Ст. 201.1 УК РФ является специальной по отношению к ст. 201 УК РФ и предусматривает ответственность за злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа.

Ст. 202 УК РФ предусматривает ответственность за злоупотребление полномочиями лицами, обладающими особым правовым статусом – нотариусом, занимающимся частной практикой (ст. 8 Основ законодательства РФ о нотариате, утвержденные ВС РФ 11 февраля 1993г. №4462-1), и индивидуальным аудитором (ч. 4 ст. 4 Федеральный закон от 30 декабря 2008г. №307-ФЗ «Об аудиторской деятельности»). Непосредственным объектом соответствующего преступления выступают отношения, возникающие в связи с осуществлением названными лицами их профессиональной деятельности.

Ст. 203 УК РФ предусматривает ответственность за превышение полномочий частным детективом (п. 4 ст. 1.1 Закона РФ от 11 марта 1992г. №2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации») или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника (п. 2 ст. 1.1 Закона РФ от 11 марта 1992г. №2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»), при выполнении ими своих должностных обязанностей. Аналогично преступлению, предусмотренному ст. 202 УК РФ, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 203 УК РФ являются отношения, возникающие в связи с осуществлением лицами, обладающими особым правовым статусом, их профессиональной деятельности.

Ст. ст. 204, 204.1 и 204.2 УК РФ предусматривают ответственность за коммерческий подкуп, посредничество в коммерческом подкупе и мелкий коммерческий подкуп соответственно.

Непосредственным объектом преступлений, предусмотренных названными статьями, также выступают отношения, возникающие в связи управлением юридическими лицами, указанными в примечании к ст. 201 УК

РФ, однако отличающиеся по своему содержанию от отношений, выступающих объектом злоупотребления полномочиями. В данном случае речь идет об отношениях, предполагающих самостоятельное и независимое принятие (согласование) деловых решений в пределах своей компетенции лицами, выполняющими управленческие функции в соответствующих организациях.

Таким образом, видовым объектом всех преступлений, предусмотренных гл. 23 УК РФ, выступают отношения, возникающие в связи с осуществлением профессиональной, в том числе управленческой, деятельности, которая осуществляется в интересах частных лиц (в данном контексте под частными лицами понимаются лица, не являющиеся публично-правовыми образованиями).

Отметим, что в истории отечественного уголовного законодательства действующий УК РФ 1996 г. впервые отнес названные отношения к объектам уголовно-правовой охраны, что обусловлено кардинальными изменениями в общественно-экономической формации, произошедшими в России в конце 1980-х – начале 1990 гг. Яркой иллюстрацией кардинального характера этих изменений в контексте уголовной политики может служить ст. 153 УК РСФСР 1960 г., в которой предусматривалась ответственность за частнопредпринимательскую деятельность с использованием государственных, кооперативных и иных общественных форм.

Итак, отношения, связанные с управлением юридическими лицами, являются непосредственным объектом преступлений, предусмотренных статьями 201, 201.1, 204, 204.1, 204.2. Однако в этих статьях речь идет только об определенной группе юридических лиц, а именно – как следует из названия гл. 23 УК РФ – о коммерческих и иных организациях.

Использованный законодателем термин может показаться неудачным с точки зрения действующего законодательства о юридических лицах.

Юридические лица создаются в одной из организационно-правовых форм, предусмотренных ГК РФ.

Деление юридических лиц по критерию основной цели их деятельности дихотомическое: если таковой выступает извлечение прибыли, юридическое лицо относится к коммерческим организациям, если нет – к некоммерческим. Соответственно, неискушенный читатель может предположить, что словосочетание «коммерческие и иные организации» охватывает все организации, независимо от основной цели их деятельности, и становится юридико-техническим плеоназмом. Однако такой вывод был бы ошибочным: мысль законодателя заключалась в том, чтобы из числа всех некоммерческих организаций выделить только их определенную группу. В первоначальной редакции п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ говорилось о коммерческих организациях независимо от формы собственности, а также некоммерческих организациях, не являющихся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением. Таким образом, понятие иной (по сравнению с коммерческой) организации являлось отраслевым уголовно-правовым понятием.

С принятием Федерального закона от 25 декабря 2008г. №280-ФЗ¹ примечание к ст. 201 УК РФ было изложено в новой редакции, которую следует признать неудачной. Федеральный закон от 13 июля 2015г. №265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² (далее – Закон от 13.07. 2015г. №265-ФЗ) в новой редакции определил круг должностных лиц в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, отнеся к их категории субъектов, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющих организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных или муниципальных унитарных предприятиях и акционерных обществах. В

¹ Федеральный закон от 25 декабря 2008г. №280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. - №52 (ч. 1). - Ст. 6235.

² Собрание законодательства РФ. – 2015. - №29 (часть I). - Ст. 4391.

доктрине уголовного права не все учёные восприняли данные изменения положительно¹. Отдельные авторы критически отнеслись к изменениям, внесённым Законом от 13.07. 2015г. №265-ФЗ, полагая, что они приравнивают к должностным лицам специальных субъектов, которые по своей правовой природе не могут причинить вред своими действиями (бездействием) охраняемым законом объектам, указанным в названии гл. 30 УК РФ, поскольку руководители государственных и муниципальных предприятий посягают в первую очередь на интересы коммерческой организации.

С другой стороны, за период действия УК РФ высказывались различные предложения об отнесении ряда специальных субъектов преступлений к должностным лицам:

-поверенных, представляющих государственные интересы в субъектах естественных монополий²;

-частных нотариусов³;

-членов казачьих обществ, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющих функции представителей власти в связи с несением ими государственной гражданской, военной, правоохранительной или муниципальной службы, а также адвокатов⁴;

-лиц, выполняющих управленческие функции в государственных и муниципальных унитарных предприятиях, политических партиях, Банке России, стратегических акционерных обществах, открытых акционерных

¹ Быкова Е.Г., Яшков С.А. К вопросу о признании должностным лицом руководителей коммерческих организаций // Уголовное право. - 2015. - №3. - С. 9; Бугаевская Н.В. Новые признаки должностных лиц // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. - 2015. - № 4-2. - С. 106-110; Назаров О.В. О новых субъектах халатности, получения взятки и других преступлений главы 30 УК РФ // Законодательство и экономика. - 2015. - №9. - С.65-72; Рапог А.И. Уголовно-правовые амбиции российского законодателя // Судья. - 2016. - №4. - С. 10.

² Григорьев В.Н. Понятие должностного лица в уголовном праве: дис. ... канд. юр. наук. - Екатеринбург, 2001. С. 145.

³ Изосимов С.В. Теоретико-прикладной анализ служебных преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... д-ра юр. наук. - Н. Новгород, 2004. - С. 11.

⁴ Ташкинов А.В. Уголовно-правовая политика государства в борьбе с преступлениями против интересов службы в коммерческих и иных организациях: автореф. дис. ... канд. юр. наук. - Н. Новгород, 2008. - С. 12-13.

обществах, 100% акций которых принадлежат государству или муниципальному образованию, в других открытых акционерных обществах при представительстве интересов государства или муниципального образования, а также в иных случаях выполнения публичных управленческих функций, а также частных аудиторов¹;

-представителей государства в открытых акционерных обществах, в том числе и тех лиц, которые как представители государства участвуют лишь в разовом голосовании по вопросам, выносимым на общее собрание ОАО²;

-работников ведомственной охраны федерального государственного унитарного предприятия³.

-субъектов, осуществляющих делегированные государством полномочия (профсоюзных инспекторов труда, ряда работников коммерческих организаций, выполняющих функции агента валютного контроля, третейских судей)⁴.

Помимо данной дискуссии, внесенные Законом от 13.07. 2015г. №265-ФЗ изменения породили определённые вопросы, касающиеся логичности и последовательности при выборе организационно-правовых форм юридических лиц. В первую очередь это касается служащих различных организационно-правовых форм юридических лиц. Например, ещё задолго до вышеуказанного нормативного правового акта Ю.М. Лермонтов отмечал, что в определенных случаях закон предусматривает возможность участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в обществах с ограниченной ответственностью⁵.

¹ Егорова Н.А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции: дис. ... д-ра юр. наук. - Волгоград, 2006. - С. 505-506.

² Камынин И.Д. Должностное положение лиц, представляющих интересы государства в акционерных обществах // Российская юстиция. - 2001. - №1. - С. 57-58.

³ Шнитенков А.В. Ответственность за преступления против интересов службы: дис. ... д-ра юр. наук. - Оренбург, 2006. - С. 15-16.

⁴ Чирков А.П. Проблемы определения субъекта преступлений коррупционной направленности // Уголовное право. - 2013. - №5. - С. 113.

⁵ Лермонтов Ю.М. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // <http://www.consultant.ru/> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

Следует отметить, что в практике расследования уголовных дел о злоупотреблении полномочиями встречаются случаи привлечения к уголовной ответственности по ст. 201 УК РФ работников государственных (муниципальных) организаций, не отнесённых законом к предприятиям либо акционерным обществам. В качестве примера можно привести осуждение директора общества с ограниченной ответственностью, 100% уставного капитала которого были приняты в муниципальную собственность¹.

По мнению В.В. Ровнейко, изменения, вносимые в Примечание 1 к ст. 285 УК РФ и содержащие признаки должностного лица, не носят системного характера, отражая только часть организационно-правовых форм юридических лиц с государственной и муниципальной собственностью. Далее автор приводит в качестве примера общества с ограниченной ответственностью и паевые инвестиционные фонды².

Таким образом, в действующей редакции примечания к ст. 201 УК РФ речь идет о коммерческой или иной организации, а также некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением. Другими словами, наряду со всеми коммерческими и некоторыми некоммерческими организациями, выделяются некие иные. Ситуация усугубляется разъяснениями, содержащимися в абз. 2 п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009г. №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 16.10.2009г. №19³). Верховный Суд РФ под организациями понимает организации, которые хотя и не являются коммерческими, но преследуют извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности. Таким

¹ Приговор Центрального районного суда г. Твери от 05.06.2017 г. Дело №1-64/2017 // <https://centralny.twr.sudrf.ru>. [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

² Ровнейко В.В. Некоторые проблемы совершенствования понятия «Должностное лицо» в Российском уголовном праве // Вестник удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 6. С. 121 - 122.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. - №12.

образом, понятие, используемое законодателем сегодня, следует характеризовать не как плеоназм, а как оксюморон.

Оставляя за скобками недостатки юридической техники, отметим, что по первому впечатлению нормы гл. 23 УК РФ регулируют отношения по управлению всеми коммерческими и некоторыми некоммерческими организациями, перечень которых определен с помощью логической операции отрицания (те некоммерческие организации, которые не являются государственными органами, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями). Системное истолкование положений уголовного закона демонстрирует преждевременность данного вывода.

Отношения, связанные с управлением государственными корпорациями, государственными компаниями, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, а также акционерными обществами, контрольный пакет акций которых принадлежит публично-правовым образованиям (Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям), как следует из п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, являются объектом преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ).

При этом из перечисленных юридических лиц государственные корпорации и государственные компании относятся к некоммерческим организациям (статьи 7.1 и 7.2 Закона о некоммерческих организациях), а унитарные предприятия и акционерные общества – к коммерческим (п. 2 ст. 49 ГК РФ). Отношения, связанные с выполнением управленческих (организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций) в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях (исключения из примечания к ст. 201 УК РФ) также относятся к объекту преступлений, предусмотренных нормами гл. 30 УК РФ. Отнесение отношений по управлению определенными

видами юридических лиц к объекту преступлений, предусмотренных гл. 23 или 30 УК РФ, отражено в Таблице 1.

Таблица 1. Дифференциация отношений по управлению юридическими лицами как объекта преступления

Глава 23 УК РФ	Глава 30 УК РФ
Хозяйственные товарищества	Некоммерческие организации, являющиеся государственными органами, органами местного самоуправления
Хозяйственные общества, за исключением акционерных обществ, контрольный пакет акций которых принадлежит публично-правовым образованиям	Государственные и муниципальные учреждения
Крестьянские (фермерские) хозяйства	Государственные корпорации
Хозяйственные партнерства	Публично-правовые компании
Производственные и потребительские кооперативы	Государственные и муниципальные унитарные предприятия
Общественные организации	Акционерные общества, контрольный пакет акций которых принадлежит публично-правовым образованиям
Общественные движения	
Ассоциации (союзы)	
Нотариальные палаты	
Товарищества собственников недвижимости	
Казачьи общества	
Общины коренных малочисленных народов РФ	
Фонды	
Частные учреждения	
Автономные некоммерческие организации	
Религиозные организации	

Чем объясняется подобное разграничение?

Ни юридические лица, предусмотренные примечанием к ст. 201 УК РФ, ни юридические лица, предусмотренные п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, не могут быть отнесены к какой-либо одной разновидности в рамках легальных классификаций, закрепленных в ГК РФ.

Так, деление организаций на коммерческие и некоммерческие очевидно отвергается в качестве критерия дифференциации отношений по управлению ими, поскольку в даже в первоначальной редакции п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ были указаны только некоторые некоммерческие организации (остальные, как и в текущей редакции уголовного закона, указывались в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ).

Среди организаций, отношения по управлению которыми регулируются нормами гл. 23 УК РФ, встречаются и унитарные юридические лица (фонды, частные учреждения, автономные некоммерческие организации и религиозные организации), хотя основной массив составляют корпорации. При этом к объекту преступлений, предусмотренных гл. 30 УК РФ, почти исключительно принадлежат отношения по управлению унитарными юридическими лицами: «нарушают» это правило только акционерные общества с преимущественным публичным участием.

Государственные и муниципальные учреждения и унитарные предприятия относятся к юридическим лицам, на имущество которых их учредители (т.е. Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования) имеют вещные права (п. 3 ст. 48 ГК РФ).

Государственные корпорации и государственные компании создаются Российской Федерацией на основе принадлежащего ей имущества, однако это имущество закрепляется за государственными корпорациями и государственными компаниями на праве собственности (абз. 2 п. 1 ст. 7.1, п. 3 ст. 7.2 Федерального закона от 12 января 1996г. №7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹). При этом как государственные корпорации, так и государственные компании не имеют членства, т.е. Российская Федерация не становится участником этих юридических лиц и не приобретает в отношении них корпоративные права.

В отношении акционерных обществ с преимущественным публичным участием публично-правовые образования имеют корпоративные права.

Таким образом, единственным признаком, объединяющим юридические лица, указанные в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, является связь с публично-правовым образованием, которая может выражаться:

-в наличии у публично-правового образования вещных прав в отношении имущества юридического лица;

¹ Собрание законодательства РФ. – 1996. - №3. - Ст. 145.

-в наличии у публично-правового образования корпоративных прав в отношении юридического лица;

-в передаче публично-правовым образованием юридическому лицу имущества.

Как можно обосновать этот критерий связи с публично-правовым образованием с доктринальных позиций?

В отечественной дореволюционной и советской юридической литературе некоторыми исследователями использовались понятия дестинатарий (субъект интереса) и диспозитарий (субъект воли). Так, М.Н. Коркунов, рассуждая о понятии права в субъективном смысле, или правомочии, и опираясь в своих рассуждениях на работы Р. Иеринга, писал: «С внешней, формальной стороны правомочие представляется *притязанием* (Rechtsausspruch) управомоченного на исполнение обязанности со стороны правообязанного. С внутренней, материальной стороны правомочие представляется возможностью осуществления своего интереса, а так как осуществления интересов всегда предполагает пользование для того какими-нибудь силами, то содержание правомочия составляет вообще пользование.

Пользование предполагает только наличие потребностей, хотя бы даже неосознаваемых, притязание – непременно сознательно направленную к тому волю. Но воля наша может определяться не только нашими собственными потребностями, но и чужими. Человек может действовать и в чужом интересе, но не может за другого пользоваться благами жизни. Поэтому пользование неотделимо от субъекта потребности; притязание же на исполнение обязанности, обеспечивающей возможность удовлетворения потребности, может быть осуществимо и другими лицами.

Но и при таком расхождении субъектов воли, служащей данному интересу, и самого интереса, действительным субъектом права должен быть признан все-таки субъект интереса, дестинатарий, а не субъект воли, диспозитарий»¹.

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. - СПб, 2004. – С.123.

Выдающийся советский цивилист Б.Б. Черепахин указывал: «...носители воли юридического лица... далеко не во всех юридических лицах совпадают с носителями интересов того же юридического лица, его дестинатариями.

В государственных юридических лицах волеобразование и волеизъявление совершается в коллективе каждого данного государственного учреждения, предприятия и хозяйственной организации. В то же время носителями ее интересов является советское социалистическое государство, а, следовательно, весь советский народ, ради которого действует любой госорган.

В кооперативных организациях основной волеобразующий коллектив членов организации является также коллективом дестинатариев, хотя и далеко не во всех случаях исключительным. Так, например, в потребительской кооперации при открытой торговле из магазинов сельпо покупателями (а, следовательно, дестинатариями) могут быть не только члены данного сельпо, но и любые другие лица»¹.

Воспользовавшись приведенными рассуждениями в качестве методологической основы и взяв на вооружение соответствующий терминологический аппарат, мы можем заключить, что к объекту преступлений, предусмотренных гл. 30 УК РФ, принадлежат отношения по управлению юридическими лицами, носителями интересов (дестинатариями) которых выступают публично-правовые образования (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования). К объекту преступлений, предусмотренных гл. 23 УК РФ, принадлежат отношения по управлению юридическими лицами, носителями интересов (дестинатариями) которых выступают частные субъекты.

С этим связано отнесение первой группы преступлений к преступлениям против государственной (публичной) власти, а второй – к преступлениям в сфере экономики. Общественная опасность преступлений первой группы не исчерпывается нарушением установленного порядка осуществления управленческой деятельности – ведущим признаком и основанием

¹ Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. - М., 2001. – С. 304.

криминализации соответствующих деяний выступает нарушение порядка осуществления публично-властных полномочий. Для связанных с управлением организациями преступлений, предусмотренных гл. 30 УК РФ, управленческая деятельность является аспектом публично-властной деятельности, а для преступлений, предусмотренных гл. 23 УК РФ, – профессиональной деятельности в сфере экономики. В рамках настоящей работы исследуется только вторая группа отношений.

Особенности управления юридическим лицом, а, следовательно, и особенности отношений, возникающих по этому поводу, обусловлены прежде всего организационно-правовой формой юридического лица: для каждой организационно-правовой формы характерен определенный состав и компетенция органов. Более того, законодатель предоставляет учредителям юридических лиц известную свободу усмотрения в вопросах образования тех или иных органов и распределения между ними компетенции. Например, в обществе с ограниченной ответственностью коллегиальный исполнительный орган (правление, дирекция и т.п.) образуются только в том случае, если учредители общества предусмотрели это в его уставе (п. 1 ст. 41 Федерального закона от 8 февраля 1998г. №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон от 08.02.1998г. №14-ФЗ).

Вместе с тем существуют и такие отношения, которые складываются в связи с управлением любыми юридическими лицами.

В п. 3 ст. 53 и п. 3 ст. 53.1 ГК РФ предусмотрена обязанность лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, членов коллегиального органа юридического лица и лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица (в целях настоящей и последующей глав эти лица для краткости совместно обозначаются термином «директор», однако их подробная характеристика дана в отдельной главе настоящей работы), действовать в интересах этого юридического лица добросовестно и разумно.

По смыслу положений ст. 53.1 ГК РФ в случае нарушения данной обязанности директор несет гражданско-правовую ответственность в форме возмещения убытков, причиненных юридическому лицу таким нарушением.

По нашему мнению, приведенные положения ГК РФ регулируют те же отношения, что и ст. 201 УК РФ. Сформулировав уголовно-правовую норму ст. 201 УК РФ, законодатель создал модель правомерного поведения, которое с точки зрения его воздействия на отношения, урегулированные статьями 53 и 53.1 ГК РФ, является социально полезным и необходимым. Действия, которые могут потенциально повлечь общественно опасные последствия, признаются преступными и наказуемыми, а все другие действия являются правомерными с позиции уголовного права.

Так, директор несет перед юридическим лицом обязанность действовать в его интересах добросовестно и разумно. Юридическое лицо обладает корреспондирующим этой обязанности субъективным правом. В случае неисполнения директором возложенной на него обязанности, а значит, и нарушения корреспондирующего ей субъективного права юридического лица, последнее вправе (в рамках возникшего из неправомерного юридического факта – гражданского правонарушения – охранительного гражданского правоотношения) требовать возмещения убытков, а нарушитель обязан их возместить.

Однако последствия нарушения директором обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица могут быть весьма серьезными и отразиться не только на правах и интересах самого юридического лица (например, если в результате нарушения юридическое лицо лишилось имущества, без которого осуществление его деятельности существенно затруднено), но и на правах и интересах других лиц (например, участников юридического лица, если нарушение привело к значительному уменьшению части чистой прибыли, распределяемой между ними, либо работников юридического лица, если нарушение потребовало сокращения штата), а также в целом общества и государства (например, при оказании юридическим лицом

социально значимых услуг населению либо при возникновении организационных издержек аппарата публичной власти, связанных, с мероприятиями по реорганизации или ликвидации юридического лица).

Поскольку существует риск серьезных негативных последствий нарушения обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица, необходимо объявить преступлением наиболее грубые из этих нарушений, обладающие свойством общественной опасности. Через криминализацию определенных действий осуществляется уголовно-правовое регулирование отношений по управлению юридическими лицами. Одновременно с этим возникают регулятивные уголовно-правовые отношения, содержанием которых выступает соблюдение запрета, сформулированного в ст. 201 УК РФ, лицами, к которым он обращен.

Итак, отношения, возникающие в связи с управлениями юридическими лицами, многообразны по своему содержанию и зависят от организационно-правовой формы юридического лица, системы и структуры его органов, а также их компетенции, определяемой не только на законодательном, но и на локальном уровне (учредительным и внутренними документами конкретного юридического лица). Универсальной обязанностью, возложенной на всех лиц, участвующих в управлении какими бы то ни было юридическими лицами, является обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах управляемых юридических лиц. Отношение, в котором реализуется названная обязанность, выступает объектом преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ.

Оговоримся, что отношения, обеспечивающие самостоятельное и независимое принятие (согласование) решений (деловых применительно к гл. 23 УК РФ и властных применительно к гл. 30 УК РФ) в пределах своей компетенции лицами, выполняющими управленческие функции в организациях, также являются универсальными для всех юридических лиц. Эти отношения выступают объектом преступлений, предусмотренных статьями УК РФ об ответственности за коммерческий подкуп (204, 204.1 и 204.2) и

взяточничество (290, 291, 291.1, 291.2). Однако данные отношения не рассматриваются в настоящей работе, поскольку одна из поставленных нами задач состоит в использовании подходов, выработанных в рамках иных отраслей права, для целей уголовно-правовой квалификации. Поскольку иное отраслевое регулирование соответствующих отношений не разработано, решение данной задачи при их исследовании не представляется возможным.

1.2. Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями по зарубежному законодательству

Для полного раскрытия вопроса об ответственности за злоупотребление полномочиями считаем целесообразным провести сравнительный анализ с зарубежным законодательством.

Анализ уголовного законодательства ряд стран ближнего зарубежья свидетельствует о том, что в отдельных государствах рассматриваемая норма сформулирована тождественно или приближено к положениям уголовного законодательства РФ.

Так, ч. 1 ст.250 УК Республики Казахстан¹ (далее – УК РК) сконструирована аналогично ч. 1 ст. 201 УК РФ, а вот квалифицированный состав существенно отличается. Если по ч. 2ст. 201 УК РФ повышенная опасность рассматриваемого посягательства связана с наступлением тяжких последствий, то по ч. 2 ст. ст. 250 УК РК – со специальным субъектом и причинением крупного ущерба. При этом, если по ст. 201 УК РФ последствия в виде существенного вреда и тяжких последствий – это оценочные категории², то по ст. 250 УК РК – четко определенные законодателем. По нашему мнению, конструкция УК РК в этой части изложена более удачно, поскольку для понимания «существенности» и «тяжести» вреда по ст. 201 УК РФ необходимо опираться на положения Постановления Постановление Пленума Верховного

¹Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. №226-V //https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252#pos=3469;-40&sel_link=1004489550_9 [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

² Данный вопрос будет подробно рассмотрен в следующей главе.

Суда РФ от 16 октября 2009г. №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»¹, в котором размер причиненного ущерба точно не определен.

Что касается признаков специального субъекта, то казахский законодатель к таковым отнес: руководящих работников финансовой организации, банковского и (или) страхового холдинга, крупных участников (крупных акционеров) - физических лиц, руководителей, членов органа управления, руководителей, членов исполнительного органа, главным бухгалтеров крупного участника (крупного акционера) - юридического лица финансовой организации.

Сравнивая данные положения с содержанием Примечания 1 к ст. 201 УК РФ отметим, что формулировка российского закона позволяет охватывать более широкий круг субъектов по сравнению с УК РК.

Сходство с положениями ст. 201 УК РФ обнаруживается и в Уголовном кодексе Кыргызской Республики². Разница заключается в характере общественно опасных последствий – по ч. 1 ст. 233 УК Кыргызской Республики – это значительный вред. При этом в диспозиции рассматриваемой нормы конкретизируется форма вины по отношению к общественно опасным последствиям – умысел или неосторожность. Подобная конкретизация формы вины по отношению к последствиям для ст. 201 УК РФ не свойственна, соответственно о форме вины можно судить исходя из толкований в судебной практике и научной доктрине. В ч. 2 ст.233 УК Кыргызской Республики, в отличие от УК РФ и УК РК, не предусмотрена повышенная уголовная ответственность за наступление более тяжких последствий. Здесь говорится только о специальном субъекте «служащие государственного или муниципального предприятия, хозяйственного общества, в котором государство или муниципальное образование владеет акциями (долями) в уставном капитале».

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2009. - №12.

² Уголовный кодекс Кыргызской Республики, введен в действие Законом КР от 24 января 2017 года № 10 с 1 января 2019 года // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527?cl=ru-ru> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

Анализ УК Беларуси свидетельствует о том, что здесь отсутствуют отдельные нормы за злоупотребление полномочиями и злоупотребление должностными полномочиями. В ст. 424 УК Беларуси предусмотрена ответственность за злоупотребление властью или служебными полномочиями¹.

А.М. Хлус пишет о том, что данное преступление совершается с использованием предоставленных должностному лицу служебных полномочий. Это объективное обстоятельство, которое в процессе расследования подлежит установлению и подтверждению указанием на конкретные деяния и соответствующие им служебные полномочия².

Как отмечает указанный автор, в составе рассматриваемого преступления можно выделить несколько материальных элементов, которым в результате деяния причиняется ущерб или вред³. Так в ст. 424 УК Беларуси идет речь о «причинении ущерба». При этом в рассматриваемой статье УК речь идет об ущербе, который выражается в «крупном размере» или в «существенном вреде правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам». В примечании к главе 35 УК Беларуси «Преступления против интересов службы» крупным размером (ущербом в крупном размере) признается «размер (ущерб) на сумму в двести пятьдесят и более раз превышающий размер базовой величины, установленный на день совершения преступления»⁴.

Ч. 3 ст. 424 УК Беларуси закрепляет повышенную уголовную ответственность для лиц, перечисленных в ч. 1 в случае наступления тяжких последствий в результате их деяния, что соответствует положениям ч. 2 ст. 201 УК РФ.

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г., № 275-3 // Эталон – Беларусь Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

² Хлус А.М. Уголовно-правовое и криминалистическое понимание объекта преступного посягательства при злоупотреблении властью или служебными полномочиями // Синергия. - 2018. - №3. – С.73-78.

³ Там же. С.74.

⁴ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под ред. А.В. Баркова, В.М.Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос.ун-та, 2010. – С. 961-962.

Схожесть положений белорусского законодательства мы находим в УК Монголии. В соответствии со ст. 22.1 УК Монголии злоупотребление властью и служебным положением относится к главе 22 УК Монголии «Против коррупции». Объективная сторона данного преступления характеризуется следующими признаками: действием или бездействием, состоящим в использовании должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы; причинением значительного вреда государственным или общественным интересам, социалистической собственности либо охраняемым законом правам и интересам граждан; наличием причинной связи между злоупотреблением властью и названными последствиями¹.

В ст. 295 УК Испании установлено, что «фактический или юридический руководитель учрежденного или образующегося объединения, который для собственной выгоды или выгоды третьих лиц, превышая свои должностные функции, мошеннически распорядится имуществом объединения либо заключит обязательства за счет объединения, прямо причиняя существенный экономический ущерб его членам, казначеям, совладельцам счета или собственникам имущества, ценных бумаг или денег, которыми он распоряжался, наказывается тюремным заключением на срок от шести месяцев до четырех лет или штрафом в размере тройной стоимости полученной прибыли»².

Анализируя данные положения УК Испании, А.В. Семенюк, пишет: «в качестве субъекта преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 295 УК Испании, выступает фактический либо юридический руководитель как учрежденного, так и только создающегося объединения»³.

¹ Намуун Пурэвжал. Особенности объективной стороны злоупотребления должностными полномочиями в законодательстве России и Монголии // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 11 мая 2018 г.) / отв. ред. И. Г. Рагозина, Ю. В. Деришев. – Омск: Омская юридическая академия, 2018. – С.149-151.

² Уголовный кодекс Испании // URL: artlibrary2007.narod.ru/kodeks/ispanii_uk.doc. [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

³ Семенюк А. В. Зарубежный опыт реализации уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий // Молодой ученый. - 2019. - №13. - С. 206-208.

Сравнение санкций российского и зарубежного законодательства в части размеров наказания за злоупотребление полномочий показано в Таблице 2:

Таблица 2. Санкции за злоупотребление полномочий в странах СНГ и России

УК Республики Казахстан	УК Кыргызской Республики	УК Республики Беларусь	УК Российской Федерации
ч. 1 ст. 250	ч. 1 ст. 233	ч. 2 ст. 424	ч. 1 ст.201
штраф			
в размере до 4000 месячных расчетных показателей	в размере от 1800 до 2200 расчетных показателей	от 300 до 5000 базовых величин	в размере до 200 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев.
исправительные работы			
в размере до 4000 месячных расчетных показателей	от 2 лет до 2 лет 6 месяцев	отсутствует	на срок до 2 лет
общественные работы (обязательные работы)			
на срок до 1000 часов	на срок от 280 до 360 часов	отсутствует	на срок до 480 часов
лишением свободы			
на срок до 4 лет	отсутствует	от 2 до 6 лет	на срок до 4 лет
лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью			
на срок до 5 лет (как дополнительное наказание)	на срок от 3 до 4 лет (как основное наказание)	на срок от 1 года до 5 лет (как дополнительное наказание)	отсутствует
ч. 2 ст. 250	ч. 2 ст. 233	ч. 3 ст. 424	ч. 2 ст.201
штраф			
в размере до 4000 месячных расчетных показателей	в размере от 2200 до 2600 расчетных показателей	от 300 до 5000 базовых величин	в размере до 200 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев.
исправительные работы			
в размере до 4000 месячных расчетных показателей	от 2 лет 6 месяцев до 3 лет	отсутствует	на срок до 2 лет
общественные работы (обязательные работы)			
на срок до 1000 часов	отсутствует	отсутствует	отсутствует
лишением свободы			
на срок до 4 лет	до 2 лет 6 месяцев со штрафом от 600 до 1000 расчетных показателей	от 3 до 10 лет	на срок до 10 лет

лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью			
на срок от 5 лет до пожизненного (как дополнительное наказание)	на срок от 4 до 5 лет (как основное наказание)	на срок от 1 года до 5 лет (как дополнительное наказание)	на срок до 3 лет

Из вышеприведенной таблицы следует, что наиболее мягкое наказание за злоупотребление полномочиями предусмотрено в УК Кыргызской Республики. Самое строгое, если ориентироваться на наказание в виде лишения свободы, в УК Беларуси. При этом санкции уголовного законодательства всех анализируемых стран СНГ предусматривают в качестве основного или дополнительного наказания - лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Что же касается УК РФ, то санкция ч. 1 ст. 201 данный вид наказания не предусматривает, что выглядит нелогично, учитывая тот факт, что субъект преступления по ч. 1 ст. 201 УК РФ – специальный и эта «особая характеристика» субъекта связана с характером занимаемой им должности или выполняемой деятельности. Кроме того, сравнение ч. 1 ст. 201 УК РФ с положениями ч. 1 ст. 285 УК РФ свидетельствует о том, что санкция ч. 1 ст. 285 УК РФ предусматривает в качестве основного наказания лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Учитывая вышеизложенное предлагаем в санкции ч. 1 ст. 201 УК РФ также предусмотреть данный вид наказания. Дальнейший сравнительный анализ санкций ст. 201 и ст. 285 УК РФ будет проведен в п. 3.4 Главы 3, где будет сформирован окончательный вывод относительно необходимости внесения изменений в уголовное законодательство.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ

2.1. Объективные признаки злоупотребления полномочиями

Объектом преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, как многократно указывалось выше, являются отношения по управлению юридическими лицами, в которых реализуется обязанность директора при осуществлении своих управленческих полномочий действовать в интересах юридического лица.

Что касается объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, то данное деяние относится к преступлениям с материальным составом. Соответственно обязательными его признаками являются: деяние, общественно опасные последствия и причинно-следственная связь между ними.

Деяние по ст. 201 УК РФ может совершаться как форме действия, так и в форме бездействия. В первом случае виновное лицо действует активно, используя управленческие полномочия вопреки законным интересам управляемой организации. Так, исходя из разъяснения, содержащегося в абз. 1 п. 17 Постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009г. №19, злоупотребление полномочиями может выражаться в получении имущественной выгоды от использования имущества не по назначению), либо временное и (или) возмездное изъятие имущества.

К примеру, в отношении Воеводина И.С. Октябрьским районным судом г. Самары был вынесен обвинительный приговор по ч. 1 ст. 201 УК РФ. Преступность действий осужденного заключалась в следующем:

Воеводин И.С., реализуя свой преступный умысел, в период времени с 19.08.2014 года по 30.04.2015 года, используя свое служебное положение, выполняя управленческие, организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции деятельности предприятия, являясь единоличным исполнительным органом ООО «Герда», являясь генеральным

директором ООО «Герда», действуя из корыстных побуждений, вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения личной выгоды, находясь в офисе организации, преследуя целью личное обогащение в виде вознаграждений от суммы договора, не убедившись в экономической целесообразности и добропорядочности контрагентов, и в должном выполнении обязательств со стороны контрагентов по поставке товара, заключил договора поставки, давал указания бухгалтеру ООО «Герда» Т.О.В., обязательные для исполнения последней, введенной в заблуждение относительно истинных преступных намерений Воеводина И.С., провести оплаты с расчетного счета ООО «Герда» на расчетные счета контрагентов.

Всего перечислены денежные средства в адрес контрагентов на общую сумму 49 584 819 рублей, при этом поставок товаров в адрес ООО «Герда» осуществлено не было. В результате злоупотребления своими полномочиями со стороны генерального директора ООО «Герда» Воеводина И.С. и невыполнения условий договоров со стороны контрагентов, ООО «Герда» причинен существенный вред на сумму 49 584 819 рублей¹.

В другом случае тем же судом был поставлен обвинительный приговор в отношении Садчикова А.В. по ч. 1 ст. 201 УК РФ, преступность действий которого выражалась в том, что он, в нарушение действующего законодательства необоснованно поставил на баланс ЗАО, в котором являлся генеральным директором и единственным акционером, распределительный пункт, совмещенный с трансформаторной подстанцией, исказив тем самым бухгалтерский баланс организации и нарушив тем самым право ТСЖ на постановку на баланс организации указанного имущества.

В нарушение действующего законодательства ЗАО неосновательно получало денежные средства за поставленную электроэнергию для ТСЖ.

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 25 октября 2017г. Дело №1-234/2017 // <http://sud-praktika.ru/precedent/545177.html> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» собственники и иные законные владельцы объектов электросетевого хозяйства, через которые опосредованно присоединено к электрическим сетям сетевой организации энергопринимающее устройство потребителя, не вправе препятствовать перетоку через их объекты электрической энергии для такого потребителя и требовать за это оплату.

Между ОАО и ЗАО был заключен договор энергоснабжения. Начисления за потребленную электроэнергию производились по тарифу «одноставочный, прочие потребители дифференцированы по ЧЧИМ, ВН». Данные тарифы на 2008 год и 2009 год были установлены Приказами Управления по государственному регулированию в электроэнергетике Самарской области.

В результате действий Садчикова А.В. ТСЖ причинен существенный вред, выразившийся в нарушении законодательно установленных прав собственников жилья на потребление электроэнергии и оплате электроэнергии по повышенному тарифу¹.

В схожей ситуации действия Болотного М.Н. также были квалифицированы по ч. 1 ст. 201 УК РФ. Вынося обвинительный приговор, Автозаводский районный суд г. Тольятти, в частности, указал:

Болотный М.Н., фактически являясь директором ООО «УправДом», лицом, выполняющим управленческие функции, имеющим административно-хозяйственные полномочия по управлению и распоряжению имуществом и

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 23 марта 2017г. Дело №1-54/2017 // <http://sud-praktika.ru/precedent/257607.html> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

денежными средствами общества, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, был наделен полномочиями распоряжаться коммунальными платежами, поступающими от потребителей, зачисляемыми на расчетные счета ООО «УправДом» и согласно, заключенных с ОАО «ТЕВИС» и ОАО «ТЭК» вышеуказанных договоров за поставку коммунальных услуг, а на него возлагалась обязанность производить оплату в полном объеме полученных от ресурсоснабжающих организаций коммунальных услуг, путем перечисления денежных средств на расчетные счета ОАО «ТЕВИС» и ОАО «ТЭК».

Болотный М.Н., действуя неправомечно, в нарушение принятых обществом договорных обязательств, денежные средства в сумме 7 910 655,93 рублей, принадлежащие и подлежащие перечислению в ОАО «ТЕВИС» и 316 165,09 рублей, принадлежащие и подлежащие перечислению в ОАО «ТЭК», из оплаченных ранее населением коммунальных услуг в общей сумме 11 230 419,36 рублей, поступившие на расчетные счета ООО «УправДом», ресурсоснабжающим организациям ОАО «ТЕВИС» и ОАО «ТЭК», не перечислил, а использовал их по своему усмотрению, в интересах ООО «УправДом», путем расходования, в том числе, на хозяйственные нужды, оплату иных договорных отношений, работ, услуг и приобретение материалов для обслуживания домов, причинив своими действиями существенный материальный вред правам и законным интересам ОАО «ТЕВИС» и ОАО «ТЭК», выразившийся в своевременном не поступлении в их распоряжение значительных денежных средств в сумме 7 910 655,93 рублей и 316 165,09 рублей соответственно, образовании дебиторской задолженности на указанные суммы, создавшую серьезные помехи и сбои в работе ОАО «ТЕВИС» и ОАО «ТЭК», в том числе при проведении планово-предупредительных ремонтных работ, модернизации тепло и электросетей, имеющей значительный износ, что

может привести к аварийным ситуациям, а также влечёт за собой дополнительные финансовые затраты и социальное напряжение в обществе¹.

Из приведенных выше примеров следует, что лицо получает имущественную выгоду, как правило, в результате заключения незаконных гражданско-правовых сделок.

В абз. 3 п. 17 Постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009г. №19 дается разъяснение относительно квалификации деяния, когда виновное лицо одновременно совершает хищение и другие незаконные действия, связанные со злоупотреблением полномочиями. В этом случае высшая судебная инстанция рекомендует рассматривать такие действия как совокупность преступлений.

Так, Приговором Самарского районного суда г. Самары от 23 ноября 2015 г. К.Г. был осужден по ч. 1 ст. 201 УК РФ и ч. 4 ст. 160 УК РФ. Из материалов дела установлено, что 27.05.2008 г. К.Г., занимая должность генерального директора ОАО «А», используя свои полномочия вопреки законным интересам ОАО «А», заключающимся в наиболее выгодных для Общества условиях реализации принадлежащего Обществу имущества, с умыслом, направленным на растрату находящихся в собственности ОАО «А» вверенных ему как генеральному директору 17-ти объектов недвижимого имущества, преследуя цель извлечения выгод и преимуществ в пользу ООО «РИ», единственным учредителем которого являлась родственница К.Г., заключил с ООО «РИ» договоры купли-продажи 17-ти нежилых зданий по существенно заниженной цене (общая цена по договорам купли-продажи составила 4 530 948 рублей, тогда как их общая стоимость составляет 37 767 671 рубль). На основании заключенных договоров купли-продажи 16.09.2008 г. Управлением Федеральной регистрационной службы по Самарской области зарегистрирован переход права собственности от ОАО «А» к ООО «РИ» на 17 вышеуказанных объектов недвижимости.

¹ Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти от 30 октября 2017г. Дело №1-803/2017 // <http://sud-praktika.ru/precedent/439736.html> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

При этом К.Г. при заключении вышеуказанных 17 договоров купли-продажи объектов недвижимости по заниженным ценам умышленно не была учтена стоимость права пользования земельным участком общей площадью 26 837, 2 кв. м.

Во исполнение условий заключенных и зарегистрированных в установленном законодательством РФ порядке 17 договоров купли-продажи объектов недвижимости от 28.05.2008 г. ОАО «А» в период с 28.05.2008 г. по 24.06.2008 г. перечислило на расчетные счета ОАО «А» денежные средства на общую сумму 4 530 948 рублей, которые впоследствии были израсходованы К.Г. в текущей легальной финансово-хозяйственной деятельности ОАО «А», с целью сокрытия совершенного хищения в форме растраты и создания видимости законности заключенных гражданско-правовых сделок.

Впоследствии с 01.11.2008 г. ОАО «А» стало арендовать у ООО «РИ» часть ранее проданных объектов недвижимости.

В период времени с 16.09.2008 г. по 31.08.2010 г., то есть после оформления и регистрации права собственности, ООО «РИ» обязано было самостоятельно оплачивать земельный налог за земельный участок площадью 26 837,2 кв. м, на котором располагались объекты недвижимости. К.Г. умышленно в целях извлечения выгод имущественного характера в пользу ООО «РИ» путем снижения затрат на содержание приобретенных объектов недвижимости не принял мер к тому, чтобы ОАО «А» прекратило оплачивать земельный налог за указанный земельный участок, в результате чего ОАО «А» в указанный период времени необоснованно оплатило в бюджет земельный налог за земельный участок на общую сумму 1 383 151 рубль¹.

Однако не во всех случаях действия виновного лица образуют совокупность преступлений. Так, как следует из материалов уголовного дела, В. обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 160, ч. 3 ст.

¹ Постановление Президиума Самарского областного суда от 19 января 2017г. Дело №44у-8/2017 // www.consultant.ru/ [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

160 (6 эпизодов) УК РФ и ч. 1 ст. 201 УК РФ, за то, что в период с 30 сентября 2010 года по 12 июля 2011 года он, являясь директором МУП, с использованием своего служебного положения совершил растрату имущества руководимого им предприятия в особо крупном размере, а также злоупотребил своими полномочиями вопреки интересам МУП, что повлекло причинение существенного вреда законным интересам организации и охраняемым законом интересам общества и государства и материальный ущерб на общую сумму 2925789 рублей 59 копеек.

Однако суд первой инстанции исключил из обвинения ст. 160 УК РФ, указав следующее: уголовное преследование В. за растрату имущества руководимого им предприятия не могло иметь места, поскольку одни и те же преступные действия обвиняемого по причинению существенного вреда МУП органом предварительного следствия излишне квалифицированы по ч. 4 ст. 160, ч. 3 ст. 160 (6 эпизодов) УК РФ, тогда как его действия полностью охватывались составом преступления, предусмотренным ч. 1 ст. 201 УК РФ¹.

Что касается второй формы деяния – бездействия, то в проанализированных нами материалах судебной практики такая форма не встретилась ни в одном случае. Н.К. Федоринин отмечает, что преступления подобного рода именно причиняют какой-либо вред материального характера². Соответственно, о них, по мнению Е.В. Медведева, правомерно говорить лишь как о связанных, сопряженных с наступлением тех или иных неблагоприятных материальных последствий деяниях. Они наносят не прямой вред объекту, а, если можно так выразиться, лишь в какой-то мере опосредуют его, непосредственно не угрожают материальным благам и интересам, не являются причиной наступления общественно опасных последствий, а только в определенной степени соприкасаются с ними. Здесь, как правило, нет прямого контакта между виновным и потерпевшим, каким-либо иным

¹ Постановление Президиума Верховного суда Чувашской Республики от 13 декабря 2013г. Дело №44-У-329/2013 // www.consultant.ru/ [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

² Федоринин Н.К. Причинная связь при бездействии в уголовном праве // *Juvenis scientia.* - 2017. - №6. - С. 43.

материализованным объектом, непосредственного воздействия первым на физическую оболочку или физические кондиции последнего и т.д.¹.

Общественно опасные последствия по ст. 201 УК РФ, как неоднократно отмечалось выше, выражаются в причинении существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства (ч. 1) или в наступлении тяжких последствий (ч. 2).

Существенность вреда – категория оценочная. В каждом конкретном случае должно быть принято решение о наличии существенности вреда и о том, в чем она выражается, а также решен вопрос о наличии причинной связи между вредом и совершенным деянием.

В связи с чем, наряду с другими обстоятельствами дела, надлежит выяснять, какие именно права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества или государства были нарушены и находится ли причиненный этим правам и интересам вред в причинной связи с допущенным нарушением своих полномочий.

Как и понятие существенного вреда, понятие тяжких последствий относится к категории оценочных понятий, и они подлежат установлению в каждом конкретном случае².

Как отмечается в абз. 2 п. 18, п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009г. №19 «при оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.». А тяжкие образует последствия «в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного нарушения деятельности организации,

¹ Медведев Е.В. Механизм проявления общественной опасности преступлений, совершаемых в форме бездействия // Российский следователь. - 2018. - №11. - С. 49-52.

² Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 2 июля 2015г. Дело №22-1442/2015 // www.consultant.ru/ [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.»).

Так, органами следствия М.1 обвинялся по ч. 2 ст. 201 УК РФ. Суд первой инстанции, вынося оправдательный приговор. Ленинградский областной суд, оставляя приговор в силе, указал следующее: в нарушение требований закона, ст. 171, 220 УПК РФ, предъявленное М.1 обвинение по ч. 2 ст. 201 УК РФ не конкретизировано. Поэтому суд пришел к обоснованному выводу о том, что не указано, какие права и законные интересы граждан или организаций нарушены, какие тяжкие последствия и кому причинены, в чем они выразились, а также в чем выражается существенность вреда, характер и размер причиненного материального ущерба в виде существенного вреда либо в виде тяжких последствий участникам ООО «ААА». Не указано, какие цели преследовал М.1 и какие именно выгоды и преимущества для себя или других лиц хотел получить и получил М.1, совершая действия, вмененные ему органами следствия¹.

Таким образом, для преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, характерно причинение такого вреда, который описывается через оценочный признак существенности и тяжести.

2.2. Субъективные признаки злоупотребления полномочиями

Как отмечалось в Главе 1 настоящей работы, субъектом преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, является лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Определение этого понятия содержится в примечании к ст. 201 УК РФ.

¹ Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 2 июля 2015г. Дело №22-1442/2015 // www.consultant.ru/ [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

Выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, в статьях гл. 23 УК РФ, а также в статьях 199.2 и 304 УК РФ признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях.

В первую очередь обратимся к характеристике управленческих функций. Под управленческими функциями понимаются:

- функции единоличного исполнительного органа;
- функции коллегиального исполнительного органа;
- организационно-распорядительные функции;
- административно-хозяйственные функции.

Представляется, что приведенные положения уголовного закона должны толковаться следующим образом. Если лицо выступает в качестве единоличного исполнительного органа либо члена коллегиального исполнительного органа, то выполняемые им функции а priori признаются управленческими. Иными словами, в отношении указанных лиц законодатель вводит неопровержимую презумпцию выполнения управленческих функций. Если речь идет об иных лицах, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющих те или иные функции в организациях, указанных в примечании к ст. 201 УК РФ, в каждом конкретном случае требуется анализ содержания этих функций с точки зрения возможности их квалификации в качестве организационно-распорядительных или административно-хозяйственных. С чем связано такое решение законодателя?

Известный советский цивилист Б.Б. Черепахин писал: «При исследовании порядка и процесса волеобразования и волеизъявления юридического лица

необходимо различать органы, волеобразующие и представляющие юридическое лицо во вне при совершении им правомерных юридических действий (правление и председатель, например) и органы, волеобразующие, но не представляющие юридическое лицо во вне (например, общее собрание кооперативной или иной общественной организации). В этом смысле можно говорить об органах представительных и непредставительных»¹.

Используя терминологию Б.Б. Черепахина, отметим, что от единоличного исполнительного органа исходят «сделочные волеизъявления юридического лица», он участвует во «внешней деятельности юридического лица, т.е. в деятельности, обращенной к третьим лицам», а совершение им юридических действий приводит к возникновению «внешних правоотношений» юридического лица.

Это ключевое отличие единоличного исполнительного органа от всех других органов закреплено в действующем законодательстве. Например, согласно п/п. 3 п. 1 ст. 40 Закона от 08.02.1998г. №14-ФЗ единоличный исполнительный орган общества без доверенности действует от имени общества, в том числе представляет его интересы и совершает сделки. Аналогичные положения содержатся в абз. 3 п. 3 ст. 69 Федерального закона от 26 декабря 1995г. №208-ФЗ «Об акционерных обществах»² (далее – Закон от 26.12.1995г. №208-ФЗ), п. 5 ст. 17 Федерального закона от 8 мая 1996г. №41-ФЗ «О производственных кооперативах»³ (далее – Закон от 08.05.1996г. №41-ФЗ)

Следовательно, можно предположить, что презумпция выполнения управленческих функций лицом, выступающим в качестве единоличного исполнительного органа, покоится не на компетенции последнего, т.е. перечне вопросов, по которым данный орган вправе принимать самостоятельные решения, а на его способности совершать «сделочные волеизъявления».

Попутно заметим, что компетенция исполнительных органов юридических лиц (как единоличного, так и коллегиального) в действующем

¹ Черепахин Б.Б. Указ. соч. С. 43-50.

² Собрание законодательства РФ. – 1996. - №1. - Ст. 1.

³ Собрание законодательства РФ. – 1996. - №20. - Ст. 2321.

законодательстве не определена так, как это имеет место в отношении других органов, т.е. путем перечисления вопросов, по которым эти органы вправе принимать решения. В законах об отдельных организационно-правовых формах юридических лиц указывается, что единоличный исполнительный орган осуществляет руководство текущей деятельностью юридического лица (например, п. 4 ст. 32 Закона от 08.02.1998г. №14-ФЗ, п. 1 ст. 60 Закона от 26.12.1995г. №208-ФЗ, п. 1 ст. 17 Закона от 08.05.1996г. №41-ФЗ). В специальной литературе, посвященной вопросам корпоративного права, компетенция исполнительных органов корпораций именуется «остаточной»¹. Это означает, что в их компетенцию входит решение всех вопросов, которые прямо не отнесены к компетенции других органов корпорации. Этот подход в качестве общего правила для всех корпораций закреплен в абз. 3 п. 3 ст. 65.3 ГК РФ.

Помимо этого, единоличный исполнительный орган организует выполнение решений других органов юридического лица (например, общего собрания акционеров и совета директоров (наблюдательного совета) акционерного общества – абз. 2 п. 2 ст. 69 Закона от 26.12.1995г. №208-ФЗ).

Таким образом, по вопросам, не выходящим за рамки текущей деятельности юридического лица, единоличный исполнительный орган выступает и как волеобразующий орган, т.е. самостоятельно, без согласования с кем-либо, принимает решения, и, если выполнение этих решений возможно только в рамках «внешней деятельности юридического лица», как волеизъявляющий орган, т.е. совершает от имени юридического лица юридические действия, например, заключает договор. По вопросам, выходящим за рамки текущей деятельности, решение принимается иными органами юридического лица, однако выполняется во «внешней деятельности» единоличным исполнительным органом, т.е. в этом случае единоличный исполнительный орган выступает только в качестве волеизъявляющего.

¹ Макарова О.А., Попондопуло В.Ф. Корпоративное право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. - М., 2018. - С. 87

Коллегиальные исполнительные органы юридических лиц, о которых уже говорилось в параграфе 1.1. Главы 1, «сделочных волеизъявлений» не совершают, действия их членов «внешних правоотношений» для юридического лица не создают, иными словами, коллегиальный исполнительный орган не является представительным (волеизъявляющим).

В компетенцию коллегиальных исполнительных органов юридических лиц, как правило, входят вопросы, которые уже не могут однозначно рассматриваться в качестве текущих, но все же не оказывают существенного влияния на деятельность юридического лица¹. Критерием отнесения тех или иных вопросов к компетенции коллегиального исполнительного органа зачастую выступает целесообразность принятия по ним коллективного, а не индивидуального решения.

Мы видим, что в отличие от единоличного исполнительного органа, члены коллегиального исполнительного органа не наделены полномочиями выступать от имени юридического лица. Сходство этих органов заключается в их компетенции, куда входят вопросы текущего управления, требующие оперативного решения и не оказывающие существенного влияния на деятельность юридического лица. Может ли этот общий признак служить основанием применения к членам коллегиальных исполнительных органов неопровержимой презумпции выполнения управленческих функций?

Представляется, что нет. Само по себе введение этой презумпции означает, что законодатель рассматривает деяния лиц, выполняющих функции исполнительных органов в организациях, указанных в примечании к ст. 201 УК РФ, как потенциально способные причинить больший вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, чем деяниях иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным названным примечанием, поскольку вне зависимости от каких-либо конкретных обстоятельств дела, эти лица признаются лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации. Такой подход вполне оправдан в

¹ Макарова О.А., Попондопуло В.Ф. Указ. соч. С. 330-331.

отношении лиц, выступающих в качестве единоличного исполнительного органа, однако в отношении членов коллегиальных исполнительных органов заслуживает критики. Правовое положение лица, выполняющего функции единоличного исполнительного органа, позволяет ему в отношениях с добросовестными третьими лицами действовать от имени юридического лица, в том числе совершать сделки, даже в тех случаях, когда соответствующий вопрос не отнесен к его компетенции. Более того, сделки, совершенные при таких обстоятельствах, создают для юридического лица правовые последствия и являются оспоримыми (статьи 173, 173.1, 174 ГК РФ). Правовое положение членов коллегиальных исполнительных органов возможности совершения подобных действий не предполагает, а потому отождествлять их с точки зрения уголовно-правового статуса с лицами, выполняющими функции единоличного исполнительного органа, по нашему мнению, неоправданно.

Помимо исполнительных органов, в юридических лицах могут быть образованы и иные органы. Как с точки зрения уголовного закона следует оценивать функции, выполняемые их членами? Рассмотрим данный вопрос на примере корпоративных организаций, выступающих наиболее типичными участниками гражданского оборота.

Общие положения об управлении в корпорации сформулированы в ст. 65.3 ГК РФ. Высшим органом корпорации является общее собрание ее участников. В корпорации образуется единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор, председатель и т.п.), а также может быть образован коллегиальный исполнительный орган (правление, дирекция и т.п.). Наряду с исполнительными органами, в корпорации может быть образован коллегиальный орган управления (наблюдательный или иной совет). Коллегиальный исполнительный орган и коллегиальный орган управления образуются в случаях, предусмотренных ГК РФ, иным законом, уставом корпорации.

Таким образом, в любой корпорации могут существовать четыре вида органов:

- общее собрание участников корпорации;
- единоличный исполнительный орган;
- коллегиальный исполнительный орган;
- коллегиальный орган управления.

Поскольку исполнительные органы были прокомментированы выше, обратимся к анализу функций, выполняемых участниками корпорации и членами коллегиального органа управления.

Изучение перечня вопросов, входящих в исключительную компетенцию общего собрания участников корпорации (п. 2 ст. 65.3 ГК РФ), позволяет заключить, что принятие решений по этим вопросам представляет собой выполнение организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, как они понимаются в пунктах 4 и 5 Постановления Пленума ВС РФ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009г. №19. Соответствующие разъяснения касаются признаков должностного лица, однако *mutatis mutandis* применяются и в отношении лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Так, Верховный Суд РФ разъясняет, что под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п.

К организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина

инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии).

Как административно-хозяйственные функции надлежит рассматривать полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходованием).

В качестве иллюстрации вопросов, входящих в компетенцию общего собрания корпорации назовем следующие: утверждение годовых отчетов и бухгалтерской (финансовой) отчетности; образование других органов корпорации и досрочное прекращение их полномочий; принятие решений о создании филиалов и об открытии представительств корпорации; избрание ревизионной комиссии; назначение аудиторской организации и др.

Компетенция коллегиального органа управления корпорации не определена общими положениями ГК РФ, однако соответствующие нормы содержатся в законах об отдельных видах корпораций. Так, согласно п. 2.1 ст. 32 Закона от 08.02.1998г. №14-ФЗ к компетенции совета директоров (наблюдательного совета) также относятся вопросы, принятие решений по которым представляет собой выполнение организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций (например, установление размера вознаграждения и денежных компенсаций единоличному исполнительному органу, членам коллегиального исполнительного органа, управляющему; утверждение или принятие внутренних документов; решение вопросов об одобрении сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, и крупных сделок и др.).

Изложенные выводы представляются очевидными и единственно возможными, поскольку, на наш взгляд, управленческие функции

содержательно исчерпываются организационно-распорядительными и административно-хозяйственными, а общее собрание и коллегиальный орган управления относятся к органам, осуществляющим управление в корпорации.

Чем же с точки зрения уголовного права принципиально отличается положение члена коллегиального исполнительного органа от положения участника корпорации (члена такого коллегиального органа, как общее собрание участников корпорации) и члена коллегиального органа управления (совета директоров, наблюдательного совета и т.п.)? Все три категории лиц входят в состав коллегиальных органов, осуществляющих организационно-распорядительные и административно-хозяйственные правомочия. Почему же неопровержимая презумпция выполнения управленческих функций не действует в отношении участников корпорации и членов коллегиального органа управления?

В этой связи необходимо отметить еще одно обстоятельство. В примечании к ст. 201 УК РФ содержится следующая формулировка: «лицо, выполняющее функции... члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа». Отсюда следует, что совет директоров относится к числу коллегиальных исполнительных органов, что противоречит неоднократно цитированным положениям ГК РФ и корпоративных законов: совет директоров является коллегиальным органом управления корпорации. Эта несогласованность правового регулирования отмечается и в научной литературе.¹ Буквальное прочтение УК РФ ориентирует на то, чтобы относить к управленческим функциям и функции члена совета директоров, поскольку такое толкование закона, которое неизбежно приводит к признанию определенных слов и выражений в его тексте «лишними», следует признавать неправильным.

¹ Любавина М.А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10 февраля 2000 года № 6 с изменениями, внесенными Постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2007 года № 7, от 23 декабря 2010 года № 31, от 22 мая 2012 года № 7 / под. ред. А. Н. Попова. - СПб, 2012. - С. 16.

Очевидно, что в тексте уголовного закона допущена ошибка, но что в действительности имелось в виду? Противоречия в анализируемой формулировке могут быть устранены двояко: необходимо либо привести иной пример коллегиального исполнительного органа, либо исключить слово «исполнительного». Второй вариант представляется предпочтительным. В случае подобной правки соответствующий фрагмент примечания будет выглядеть следующим образом: «лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального органа». Следовательно, под признаки лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, будут подпадать применительно к корпорациям, отвечающим требованиям, предусмотренным примечанием к ст. 201 УК РФ, как лицо, выступающее в качестве единоличного исполнительного органа корпорации, так и члены всех иных органов (общего собрания участников, коллегиального исполнительного органа и коллегиального органа управления), осуществляющих управление в корпорации.

Мнение о том, что члены совета директоров являются лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, разделяет, например, Б.В. Волженкин.¹ При этом ученый пришел к этому выводу, анализируя п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ в редакции, действовавшей до вступления в силу Закона от 25.12.2008г. №280-ФЗ. В данной редакции управленческими функциями признавались исключительно организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции (презумпция выполнения управленческих функций исполнительными органами отсутствовала), соответственно, Б.В. Волженкин исследовал содержание функций, выполняемых членами совета директоров, а не опирался на их формальное упоминание в тексте закона.

Теперь соотнесем понятие лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, с проанализированными ранее

¹ Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Волженкин Б.В. Указ.соч. С. 136-137.

положениями ГК РФ о лицах, принимающих участие в управлении организациями. Напомним, что в гражданском законодательстве выделяются три категории таких лиц:

- лица, уполномоченные выступать от имени юридического лица;
- члены коллегиальных органов юридического лица;
- лица, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица.

Очевидно, что требованиям, предусмотренным в примечании к ст. 201 УК РФ, не отвечают лица, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица (даже по признаку выполнения организационно-распорядительных или административно хозяйственных функций, поскольку эти функции должны выполняться в соответствующих организациях, т.е. предполагается наличие формально-юридической связи между лицом и организацией, например, на основании трудового договора). Следовательно, такое лицо не может признаваться единоличным исполнителем преступления, а в случае совершения преступления в соучастии несет уголовную ответственность в качестве организатора, подстрекателя или пособника по правилам ч. 4 ст. 34 УК РФ.

Что касается членов коллегиальных органов, этот вопрос был нами подробно рассмотрен. Лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, могут признаваться в целом все такие лица, однако члены коллегиальных исполнительных органов – по признаку выполнения функций коллегиального исполнительного органа, а члены иных органов – по признаку выполнения организационно-распорядительных или административно хозяйственных функций.

Понятия «лицо, уполномоченное выступать от имени юридического лица» (с учетом того, что основанием таких полномочий признаются закон, иной правовой акт, учредительный документ) и «лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа» (постоянно, временно либо по специальному полномочию), по нашему мнению, тождественны.

Следует оговориться, что представитель юридического лица, полномочия которого основаны на доверенности, не относится к лицам, выполняющим функции единоличного исполнительного органа, поскольку к таковым, помимо совершения от имени общества юридический действий, в том числе сделок, и представления его интересов, относится принятие решений по вопросам, входящим компетенцию единоличного исполнительного органа. Такие функциями представитель по доверенности не выполняет.

Таким образом, из числа лиц, участвующих в управлении организацией, требованиям, установленным в примечании к ст. 201 УК РФ, не отвечают лица, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица.

Вместе с тем к лицам, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, по признаку выполнения организационно распорядительных или административно-хозяйственных функций в том понимании, которое придается им сложившейся правоприменительной практикой, могут быть отнесены и те лица, которые не участвуют в управлении юридическим лицом, например, главный бухгалтер, финансовый директор и т.п. (даже в тех случаях, когда эти лица не имеют фактической возможности определять действия юридического лица).

На основании изложенного может быть сделан следующий предварительный вывод: уголовно-правовое понятие лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации (специальный субъект преступлений, предусмотренных статьями 201, 201.1, 204, 204.2 и 304 УК РФ), не согласованно с положениями гражданского законодательства о лицах, участвующих в управлении организациями (статьи 53 и 53.1 ГК РФ). Представляется целесообразным привести примечание к ст. 201 УК РФ в соответствие с нормами ГК РФ, изложив его в соответствующей части в следующей редакции: «Выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации... признается лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа этих организаций уполномочено выступать от их имени, член коллегиального органа этих

организаций, а также лицо, имеющее фактическую возможность определять действия этих организаций».

С субъективной стороны злоупотребление полномочиями характеризуется прямым умыслом и одной из альтернативных целей: извлечение выгод и преимуществ для себя, извлечение выгод и преимуществ для других лиц, нанесение вреда другим лицам.

Второе различие связано с характеристикой субъективной стороны правонарушений.

Обратимся к Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013г. №62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»¹ (далее – Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013г. №62), в котором были истолкованы некоторые аспекты применения норм ГК РФ об ответственности за нарушение директором обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица.

По смыслу содержащихся в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013г. №62 разъяснений нарушение обязанности, предусмотренной п. 3 ст. 53 ГК РФ и п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, может выражаться как в недобросовестных, так и в неразумных действиях (бездействии). При этом «недобросовестность и «неразумность» представляют собой характеристики субъективной стороны соответствующего нарушения.

Согласно положениям п. 1 ст. 10 ГК РФ недобросовестное осуществление гражданских прав всегда представляет собой деяние, совершаемое с прямым умыслом, на что указывают использованные в тексте закона выражения «с намерением», «с целью», «заведомо».

В свою очередь, характеристика действий (бездействия) директора как неразумных предполагает их совершение с неосторожной формой вины либо с косвенным умыслом, в чем убеждают приведенные в п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013г. №62 примеры неразумного поведения.

¹ Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). – 2013. - №34.

Так, неразумным признается принятие директором решения без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации. Наличие у директора указанной информации исключает небрежность. Однако, поскольку в данном случае директор может как без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывать на предотвращение негативных последствий принимаемого решения, так и сознательно допускать их либо относиться к ним безразлично, речь может идти как о легкомыслии, так и о косвенном умысле. Другим примером неразумного поведения, который приводит Пленум ВАС, является принятие директором решения в ситуации, когда им предварительно не были предприняты действия, направленные на получение необходимой и достаточной для его принятия информации, которые обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах. В данном случае директор действует небрежно, поскольку не предвидит возможности наступления негативных последствий принимаемого решения, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия.

Злоупотребление полномочиями совершается только с прямым умыслом, поскольку в субъективную сторону состава преступления включен признак цели.

Резюмируя, гражданско-правовое нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица может совершаться как неосторожно (по легкомыслию или небрежности), так и умышленно (с прямым и косвенным умыслом). Злоупотребление полномочиями совершается только с прямым умыслом. Добавим, что для квалификации поведения директора как гражданско-правового нарушения не имеют значения цели (этот признак в целом не используется для описания общего состава гражданского нарушения), а обязательным признаком злоупотребления полномочиями, напротив, выступают цели извлечение выгод и преимуществ для себя, извлечение выгод и преимуществ для других лиц, нанесение вреда другим лицам.

Изложенное свидетельствует, что криминализация злоупотребления полномочиями определяется двумя факторами: во-первых, характером последствий, во-вторых, прямым умыслом и наличием специальной цели. Вместе с тем деяние, входящее в объективную сторону как гражданско-правового нарушения, так и соответствующего преступления, тождественны. Можно ли на этом основании попытаться перенести *mutatis mutandis* подходы к оценке нарушения директором обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица, выработанные в практике применения норм гражданского права, на почву уголовно-правовой квалификации? Еще раз обратимся к уже упомянутому Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013г. №62. Рассмотрим те его положения, которые могут быть отнесены к толкованию различных признаков состава преступления, в привычной для уголовно-правового анализа последовательности: сначала объективные, потом субъективные.

В п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013г. №62 указывается, в каких случаях недобросовестность действий (бездействия) директора считается доказанной, а в п. 5 даются разъяснения, касающиеся осуществления директором обязанностей по выбору и контролю. Анализ этих положений в совокупности позволяет заключить, что злоупотребление полномочиями может выражаться в следующих действиях:

- совершение сделки без требующегося в силу законодательства или устава одобрения соответствующих органов юридического лица;

- совершение сделки (голосование за совершение сделки) на невыгодных для юридического лица условиях;

- совершение сделки (голосование за совершение сделки) с лицом, неспособным исполнить обязательство («фирмой-однодневкой» и т.п.).

- недобросовестное осуществление обязанностей по выбору и контролю за действием (бездействием) представителей, контрагентов по гражданско-правовым договорам, работников юридического лица, а также ненадлежащая организация системы управления юридическим лицом.

Некоторые из приведенных положений схожи с разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009г. №19.

Так, совершение должностным лицом единолично действий, которые могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законом, по согласованию с другим должностным лицом или органом, Пленум Верховного Суда РФ рассматривает в качестве *превышения* должностных полномочий. Если же следовать логике Пленума ВАС РФ и распространить ее на квалификацию преступлений, то аналогичные действия, совершенные лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, представляют собой *злоупотребление* полномочиями. Это может косвенно подтверждать высказанное в научной литературе мнение о том, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, включает в себя как собственно злоупотребление полномочиями, так и превышение полномочий, выступающее в качестве частного случая злоупотребления¹.

Недобросовестное осуществление обязанностей по выбору и контролю, в свою очередь, соотносится с понятием протекционизма, под которым Пленум Верховного Суда РФ понимает незаконное оказание содействия в трудоустройстве, продвижении по службе, поощрении подчиненного, а также иное покровительство по службе, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности. Протекционизм рассматривается в качестве злоупотребления должностными полномочиями.

Разъясняя понятие сделки на невыгодных условиях, Пленум ВАС РФ, дает формальный ориентир, который может быть использован для установления оценочного признака существенности вреда в составе преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, а также косвенно подтверждает недопустимость квалификации действий директора, связанных с распоряжением имуществом юридического лица, в качестве хищения.

¹ Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Волженкин Б.В. Указ.соч. С. 136-137.

Под сделкой на невыгодных условиях понимается сделка, цена и (или) иные условия которой существенно в худшую для юридического лица сторону отличаются от цены и (или) иных условий, на которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки (например, если предоставление, полученное по сделке юридическим лицом, в два или более раза ниже стоимости предоставления, совершенного юридическим лицом в пользу контрагента). Невыгодность сделки определяется на момент ее совершения; если же невыгодность сделки обнаружилась впоследствии по причине нарушения возникших из нее обязательств, то директор отвечает за соответствующие убытки, если будет доказано, что сделка изначально заключалась с целью ее неисполнения либо ненадлежащего исполнения.

Руководствуясь изложенным подходом, вред, причиненный правам и законным интересам организации, следует признавать существенным в том числе в тех случаях, когда предоставление, полученное этой организацией по сделке, не менее чем в два раза ниже стоимости предоставления, совершенного этой организацией в пользу контрагента.

Кроме того, совершение директором сделки по распоряжению имуществом организации, если в момент ее совершения директор осознавал, что встречные обязательства контрагента по этой сделке не будут исполнены, должно при наличии иных признаков состава преступления квалифицироваться по ст. 201 УК РФ. Это объясняется тем, что в описанной ситуации отсутствует признак предмета хищения – чужого имущества, поскольку действия директора (в данном случае под директором понимается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа) есть действия самого юридического лица.

Еще одно положение п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013г. №62, которое, по нашему мнению, без каких-либо уточнений может применяться при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 201 УК РФ, касается определения интересов юридического лица.

При решении этого вопроса Пленум ВАС РФ рекомендует учитывать, что основной целью деятельности коммерческой организации является извлечение прибыли (п. 1 ст. 50 ГК РФ); также необходимо принимать во внимание соответствующие положения учредительных документов и решений органов юридического лица (например, об определении приоритетных направлений его деятельности, об утверждении стратегий и бизнес-планов и т. п.). Директор не может быть признан действовавшим в интересах юридического лица, если он действовал в интересах одного или нескольких его участников, но в ущерб юридическому лицу.

В этом же контексте следует упомянуть, что Пленум ВАС РФ предлагает считать недобросовестность действий (бездействия) директора доказанной, если он действовал при наличии конфликта между его личными интересами (интересами аффилированных лиц директора) и интересами юридического лица, в том числе при наличии фактической заинтересованности директора в совершении юридическим лицом сделки.

Также из Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013г. №62 могут быть заимствованы некоторые подходы, касающиеся вопросов соучастия в преступлении, предусмотренном ст. 201 УК РФ, а также обстоятельств, исключающих преступность деяния.

В п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013г. №62 указывается, что не является основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании с директора убытков сам по себе тот факт, что действие директора, повлекшее для юридического лица негативные последствия, в том числе совершение сделки, было одобрено решением коллегиальных органов юридического лица, а равно его учредителей (участников), либо директор действовал во исполнение указаний таких лиц, поскольку директор несет самостоятельную обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно. В то же время наряду с таким директором солидарную ответственность за причиненные этой сделкой убытки несут члены указанных коллегиальных органов.

Если перенести данные разъяснения в уголовно-правовую плоскость, мы придем к следующим выводам.

Директор, совершивший злоупотребление полномочиями во исполнение заведомо незаконного для него приказа или распоряжения, несет уголовную ответственность на общих основаниях, что соответствует правилу, изложенному в ч. 2 ст. 42 УК РФ. При этом соисполнителями преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, в этом случае следует признавать лиц, отдавших такие приказ или распоряжение, если они обладают признаками специального субъекта злоупотребления полномочиями. Если же лица, отдавшие заведомо незаконные приказ или распоряжение, соответствующими признаками не обладают, они несут уголовную ответственность по правилам ч. 4 ст. 34 УК РФ в качестве организаторов, подстрекателей или пособников.

Как соисполнительство в совершении преступления следует рассматривать и действия членов коллегиального органа, выразившиеся в одобрении действий (бездействия) директора, подпадающих под признаки ст. 201 УК РФ. При этом понятие соучастия в совершении преступления предполагает, что умыслом членов коллегиального органа должен охватываться не только общественно опасный характер их собственных действий (который выражается в создании условий для криминального поведения директора), возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий (в виде совершения директором действий (бездействия), одобренных членами коллегиального органа), но и общественно опасный характер действий (бездействия) директора, за одобрение которых голосуют члены коллегиального органа, а также возможные или неизбежные последствия таких действий (бездействия).

В отношении членов коллегиального органа юридического лица в п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013г. №62 содержится еще одно важное разъяснение: не несут ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу, те члены коллегиальных органов юридического лица, кто голосовал против решения, которое повлекло причинение убытков, или,

действуя добросовестно, не принимал участия в голосовании. По нашему мнению, эта позиция может применяться и при решении вопроса об уголовной ответственности членов коллегиальных органов юридического лица.

Продолжая вести речь об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, обратимся к абз. 8 п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013г. №62, согласно которому директор освобождается от ответственности, если докажет, что невыгодная сделка заключена для предотвращения еще большего ущерба интересам юридического лица. С точки зрения уголовного права подобная ситуация должна быть квалифицирована как причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). Если от гражданско-правовой ответственности директор в названном случае освобождается, то уголовная ответственность не предполагается, т.к. отсутствует порождающий охранительное уголовно-правовое отношение юридический факт – совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления.

В абз. 2 п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013г. №62 можно обнаружить рекомендацию о необходимости для возложения ответственности устанавливать причинно-следственную связь между действиями директора и наступившими последствиями: негативные последствия, наступившие для юридического лица в период времени, когда в состав органов юридического лица входил директор, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности его действий (бездействия), так как возможность возникновения таких последствий сопутствует рисковому характеру предпринимательской деятельности.

В этом же абзаце содержится принципиальное для уголовного права положение, связанное с принципом вины (ст. 5 УК РФ). Поскольку лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина, то по каждому делу необходимо устанавливать осознание лицом общественной опасности своих действий

(бездействия) либо предвидение (обязанность и возможность предвидения) возможности наступления общественно опасных последствий. В противном случае речь будет идти о невиновном причинении вреда (ст. 28 УК РФ). Для возложения уголовной ответственности по ст. 201 УК РФ необходимо установить, что директор действовал с прямым умыслом, то есть осознавал общественную опасность своих действий (бездействия) – совершения от имени юридического лица сделки (голосования за ее одобрение) или принятия иного делового решения, предвидел возможность или неизбежность общественно опасных последствий и желал их наступления. В этом смысле ключевым является разграничение противоправных, в том числе уголовно наказуемых, действий и обычного делового (предпринимательского) риска, неотъемлемо присущего деятельности директора. Именно на это обстоятельство обращает внимание Пленум ВАС РФ: поскольку судебный контроль призван обеспечивать защиту прав юридических лиц и их учредителей (участников), а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых директорами, директор не может быть привлечен к ответственности за причиненные юридическому лицу убытки в случаях, когда его действия (бездействие), повлекшие убытки, не выходили за пределы обычного делового (предпринимательского) риска.

Подводя итог, еще раз отметим, что гражданско-правовое нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица отличается от преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, характеристикой последствий и субъективной стороны. Признаком объективной стороны злоупотребления полномочиями выступает причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. С субъективной стороны злоупотребление полномочиями характеризуется прямым умыслом и целью извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам. Объединяет гражданско-правовое нарушение и преступление характеристика деяния. Поскольку нормы

ст. 201 УК РФ и п. 3 ст. 53, п. 3 ст. 53.1 ГК РФ регулируют одно и то же общественное отношение, это делает возможным применение к оценке действий лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, подходы, выработанные в гражданском праве в отношении оценки недобросовестных действий директора в ущерб интересам юридического лица.

ГЛАВА 3. ОТГРАНИЧЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

3.1. Отграничение от злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа

Федеральным законом от 29 декабря 2017г. №469-ФЗ УК РФ были дополнены ст. 201.1 «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» и ст. 285.4 «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа»¹.

Данные нормы представляют собой пример дифференциации уголовной ответственности, направленной на защиту государственных интересов в сфере государственного оборонного заказа.

Ст. ст. 201.1 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями».

Квалифицированный состав, предусмотренный ч. 2 ст. 201 УК РФ, установил повышенную ответственность за деяние, совершенное организованной группой или повлекшее тяжкие последствия.

После введения в УК РФ ст. 201.1 применительно к указанной норме можно вести речь уже не об отдельных случаях, когда затрагиваются общественные отношения в других разделах УК РФ в качестве дополнительных и факультативных объектов посягательств. Сама конструкция данного состава предусматривает посягательство на интересы государства. В ст. 201.1 УК РФ непосредственным основным объектом преступления являются общественные отношения в сфере деятельности коммерческих и иных организаций, а дополнительным объектом посягательства будут выступать государственные

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2017г. № 469-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2017. - №1 (Ч. I). - Ст. 53.

интересы по государственному оборонному заказу, несмотря на то, что он является конструктивным признаком данного состава преступления.

Как отмечает Н.А. Каменский, при квалификации преступлений по ст. 201 УК РФ негативные последствия могут выражаться не только в виде определённого имущественного ущерба, но ещё и в угрозе безопасности государства, а также могут совершаться не только на объектах оборонно-промышленного комплекса. Среди сфер, злоупотребление в которых может представлять потенциальную повышенную опасность, следует отметить ракетно-космическую и банковскую отрасли, авиастроение, транспортную систему, объекты топливно-энергетического и атомного комплексов, жилищно-коммунального хозяйства, бюджетно- и градообразующие предприятия и т.д.¹.

В качестве примеров совершения преступлений, угрожающих национальной безопасности, можно привести злоупотребления полномочиями на очистных сооружениях в ходе выполнения государственных контрактов при строительстве объектов для проведения XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи, в результате которых были причинены материальный ущерб на сумму более 409 млн рублей, загрязнение прибрежных вод Чёрного моря и поставлен под угрозу авторитет Российской Федерации на международной арене в связи с возможным нарушением сроков подготовки сооружений к эксплуатации.

Либо злоупотребления полномочиями на объектах атомно-энергетического комплекса, последствиями которых стали невозможность нормального функционирования энергоблоков АЭС², а также злоупотребления полномочиями, приведшие к нарушениям в обеспечении населения электроэнергией³.

¹ Каменский Н.А. К вопросу об объекте уголовно-правовой охраны состава преступления, предусмотренного ст. 201.1 УК РФ // Алтайский юридический вестник. – 2019. - №1(25). – С.53-58.

² Приговор Курчатовского городского суда Курской области от 6 октября 2010 г. Дело №1-74/2010. // <https://kurchatovsky.krs.sudrf.ru/.sudrf.ru/> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

³ Приговор Ленинского районного суда г. Краснодара от 8 мая 2013 г. Дело №1-325/2013. // <https://krasnodar-leninsky.krd.sudrf.ru/> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019);

Возможно, наряду с обеспечением обороноспособности было бы целесообразно установить повышенную уголовную ответственность за злоупотребление полномочиями в сфере не только обороноспособности, но и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Однако для внесения предложений о дальнейшей дифференциации уголовной ответственности по подобным объектам преступных посягательств требуется проведение серьезного анализа и исследования всего многообразия направлений деятельности коммерческих и иных организаций, статистических показателей в виде имущественного ущерба, причиненного данными преступлениями, в особенности квалифицируемыми по ч. 2 ст. 201 УК РФ, как повлекшими тяжкие последствия.

Однако в настоящее время уголовная политика государства направлена на придание особого охраняемого статуса только отношениям в сфере государственного оборонного заказа.

Вместе с тем сфера государственного оборонного заказа, как и обеспечение мобилизационной готовности, а равно и деятельность предприятий оборонно-промышленного комплекса являются составными частями более общей задачи по обеспечению обороноспособности страны. Именно общественные отношения по обеспечению обороноспособности являются, например, объектом уголовно-правовой охраны ст. 281 УК РФ, предусматривающей ответственность за совершение диверсии.

С учётом изложенного полагаем целесообразным наименование ст. 201.1 УК РФ изложить в следующей редакции: «Злоупотребление полномочиями в сфере обороноспособности Российской Федерации». Сама диспозиция нормы могла бы выглядеть в таком виде: «Использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц, если это деяние

повлекло причинение существенного вреда охраняемым законом интересам общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа, в ходе мобилизационной подготовки, а также на объектах оборонно-промышленного комплекса, – ...».

Аналогичный образом, но только применительно к должностным лицам могла бы быть изменена ст. 285.4 УК РФ.

3.2. Отграничение от мошенничества

П.С. Яни называет ст. 159 УК РФ «резиновой», в отличие, от ст. 201 УК РФ, которую нередко используют, чтобы не вменять экономическое мошенничество, потому что по ней все еще можно арестовывать¹.

По договору займа ООО в лице генерального директора С. получило от И. денежные средства в размере 5 млн руб. Из полученной суммы С. 2 млн руб. оставила себе, в кассу не передала.

Практика признания в аналогичных случаях содеянного хищением вверенного имущества сформировалась еще в советские годы. Г. Кригер так описывал соответствующее правило: как хищение вверенного имущества «рассматриваются те случаи злоупотребления служебным положением², когда должностное лицо, будучи уполномоченным государственного или общественного органа на получение какого-либо имущества, поступающего от отдельных граждан (налоги, плата за услуги и т.п.), по получении этого имущества не передает его по назначению, а обращает в свою пользу»³.

Однако такой подход высшим судебным органом изменен, о чем можно судить по информации о деле Вахрушевой, которая обвинялась по ст. 160 УК в том, что, работая директором муниципального торгового коммерческого предприятия, сдавала в аренду помещения магазина, входящего в состав

¹ Румак В. В отличие от мошенничества, состав злоупотребления полномочиями можно назвать «резиновым» [Интервью с П.С. Яни] // Закон. - 2018. - №10. - С. 6-16.

² По действующем законодательству данные действия квалифицируются как присвоение или растрата с использованием служебного положения – по ч. 3 ст. 160 УК РФ.

³ Комментарий к УК РСФСР / Под ред. Ю.Д. Северина. - М., 1984. - С. 213.

предприятия, но полученные от арендаторов деньги в кассу, напротив, не сдавала, а присваивала. Суд же изменил квалификацию на ст. 201 УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ поддержала решение суда, указав: «Суд, исследовав и оценив доказательства, признал ошибочной квалификацию органами следствия действий осужденной как присвоение чужого имущества. Так, суд указал, что, хотя одним из источников формирования имущества муниципального коммерческого предприятия является аренда основных фондов, а получаемая предприятием прибыль расходуется на выплату налогов, других обязательных платежей и на создание фондов предприятия, Вахрушева, наделенная правом заключения договоров аренды, официально их не оформляла и деньги за аренду в кассу предприятия не вносила, а получала лично. Учитывая, что по смыслу закона присвоение как форма хищения представляет собой действия виновного по изъятию вверенных ему товарно-материальных ценностей и обращению их в свою пользу, суд пришел к правильному выводу об отсутствии в содеянном Вахрушевой состава данного преступления, поскольку она присваивала не деньги, вверенные ей учредителями муниципального коммерческого предприятия, а денежные суммы, полученные от арендаторов (не являющихся работниками данного предприятия) и не поступавшие в кассу предприятия, т.е. не находившиеся в его собственности. Следовательно, действия Вахрушевой охватываются составом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями)»¹.

То же мы видим и по делу следователя, осужденного за злоупотребление должностными полномочиями: «П., в производстве которой находилось уголовное дело несовершеннолетнего К., вынесла постановление об изменении ему меры пресечения с ареста на залог и приняла от законного представителя К. в качестве залога деньги в сумме 2 млн рублей, о чем составила протокол в соответствии с требованиями ст. 99 УПК РСФСР. Однако в нарушение закона П. полученную сумму не внесла на депозит суда, а, злоупотребляя своим

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2000. - №2.

служебным положением, распорядилась деньгами как своими личными. С целью сокрытия факта использования залоговой суммы П. при направлении дела К. в суд заполнила квитанцию к приходно-кассовому ордеру о внесении в кассу ОВД 2 млн рублей, поставила на квитанции гербовую печать и учинила поддельную подпись за главного бухгалтера. Подложный документ приобщила к материалам дела»¹.

Однако между приведенными случаями есть, как представляется, различия, состоящие в том, что Вахрушева, на мой взгляд, действовала, принимая ценности, не как руководитель организации, т.е. не как лицо, выполняющее управленческие функции в организации, а как лицо, уполномоченное только на то, чтобы принять деньги и переместить их в кассу. Однако эти «инкассаторские» полномочия не могут быть расценены как организационно-распорядительные либо административно-хозяйственные². Поэтому содеянное ею требовало квалификации не по ст. 201 УК, а по общей норме - ст. 165 УК, и такой подход судебной практикой поддерживается.

М.С., являясь директором Общества, имея умысел на незаконное приобретение права на денежные средства, которые должны были поступить в кассу Общества от арендаторов торговых мест, расположенных в торговом комплексе, изготовил подложные уведомления в адрес арендаторов, в которых содержалась заведомо ложная информация о том, что Общество расторгает с ними договоры аренды торговых мест, вручил указанные заведомо подложные уведомления арендаторам, после чего заключил с названными индивидуальными предпринимателями договоры аренды торговых мест от своего имени и получил от них в счет оплаты за аренду торговых мест денежные средства, в дальнейшем распорядился ими по своему усмотрению.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 25 декабря 1996 г. Определение №72-096-2 по делу П. // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 1997. - №4.

² Бриллиантов А., Яни П. Должностное лицо: организационно-распорядительные функции // Законность. - 2010. - №6. - С.10-15; Бриллиантов А., Яни П. Должностное лицо: административно-хозяйственные функции, выполнение функций по специальному полномочию // Законность. - 2010. - №7. - С.19-23; Яни П. Использование служебного положения при хищении вверенного имущества // Законность. - 2010. - №3. - С.5-8.

Суд указал, что поскольку полученная М.С. от арендаторов сумма действительно предназначалась для Общества, однако они надлежащим образом оприходованы не были, ООО собственником указанных денег не являлось, следовательно, реального имущественного ущерба, что по смыслу ст. 159 УК является обязательным признаком состава данного преступления, собственнику не причинено. В связи с этим действия М.С. президиум Мособлсуда расценил как причинение имущественного ущерба владельцу имущества, каковым должно было стать Общество, путем злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения и переквалифицировал действия М.С. с ч. 3 ст. 159 УК на ч. 1 ст. 165 УК РФ¹.

Применительно к отграничению злоупотребления полномочиями в коммерческой организации от присвоения или растраты, на наш взгляд, следует заметить:

1. В случае наличия у виновного умысла на растрату вверенного имущества, т.е. распоряжения им как своим собственным, деяние не подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, и должно рассматриваться исключительно как растрата (ст. 160 УК РФ).

2. В том случае, если виновное лицо с корыстной целью присваивает имущество организации, используя при этом свои полномочия, имеет место конкуренция общей и специальной нормы.

Использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам фактически может осуществляться в форме присвоения имущества организации. Однако поскольку ст. 201 УК РФ подразумевает специальные случаи таких действий, связанные с деятельностью коммерческой организации, то норма должна рассматриваться как специальная по отношению к ст. 160 УК РФ.

¹ Постановление Президиума Московского областного суда от 21 мая 2014 г. Дело №44у-167/2014. // www.consultant.ru/ [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

3.3. Отграничение от преступлений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве и преднамеренным банкротством

Нормы, предусмотренные ст. ст. 195 и 196 УК РФ, являются специальными по отношению к норме ст. 201 УК РФ в тех случаях, когда деяния, входящие в объективную сторону составов предусмотренных ими преступлений, связаны с использованием лицом, выполняющим управленческие функции в организации-должнике, своих полномочий вопреки интересам этой организации. Так, например, отказ от передачи арбитражному управляющему документов, необходимых для исполнения возложенных на него обязанностей (ч. 3 ст. 195 Федерального закона от 26 октября 2002г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон от 26.10.2002г. №127-ФЗ), не связан с использованием служебных полномочий.

Тем не менее специальный характер норм статей 195-196 УК РФ по отношению к норме ст. 201 УК РФ признается не только в научной литературе², но и правоприменительной практикой, в том числе практикой Конституционного Суда РФ. Так, например, соответствующие выводы в отношении ст. 196 УК РФ сформулированы в Определении Конституционного Суда РФ от 18 июля 2017г. №1541-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бочарова Олега Севастьяновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 17, частью второй статьи 195, частью первой статьи 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 75.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»³.

В Постановлении Президиума Ростовского областного суда от 7 июня 2018 г. №44у-115 указано следующее:

Исходя из установленных судом обстоятельств дела, выразившихся в целенаправленном преднамеренном банкротстве ООО «СиБойл» путем

¹ Собрание законодательства РФ. – 2002. - №43. - Ст. 4190.

² Михалев И.Ю. Криминальное банкротство. - СПб, 2001. – С.113.

³ www.consultant.ru/ [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

заключения последовательных заведомо экономически невыгодных сделок, ст. 196 УК РФ и ст. 201 УК РФ конкурируют между собой как общая и специальная норма.

Как следует из установленных судом обстоятельств, Б. как по ст. 196 УК РФ, так и по ч. 2 ст. 201 УК РФ инкриминировались одни и те же действия по совершению совокупности хозяйственных операций, заведомо направленных именно на банкротство и ликвидацию ООО «СиБойл», с различием лишь в последствиях этих действий, соответствующих диспозициям указанных норм.

Мотивируя наличие идеальной совокупности преступлений, суд указал, что вредные последствия, наступившие в результате действий Б., не являются аналогичными по каждому преступлению, причинение существенного вреда по смыслу ч. 2 ст. 201 УК РФ выразилось в неспособности ООО «СиБойл» в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, что повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам ООО «СиБойл» и крупного ущерба кредиторам общества, а также тяжкие последствия - банкротство ООО «СиБойл».

Суд указал, что данные составы преступлений различны по содержанию объективной стороны, имеют разные охраняемые уголовным законом объекты, предполагают разное отношение виновного к этим деяниям и их последствиям. Порядок управленческой деятельности коммерческой организации является основным непосредственным охраняемым уголовным законом объектом по ст. 201 УК РФ и дополнительным по ст. 196 УК РФ, а порядок реализации законных интересов кредиторов - основной непосредственный объект ст. 196 УК РФ - является частным случаем дополнительного непосредственного объекта ст. 201 УК РФ (порядка реализации прав и законных интересов граждан, организаций, охраняемых законом интересов общества и государства).

Вместе с тем изложенные при описании деяния по ч. 2 ст. 201 УК РФ действия являются обязательным признаком объективной стороны

преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, и повторно учтены при признании Б. виновным по ч. 2 ст. 201 УК РФ.

Квалифицируя действия осужденного по двум составам предъявленного обвинения, суд указал, что последствиями деяний как в первом, так и во втором случае является банкротство ООО «СиБойл» как конечный результат деятельности Б.

Достижением указанной цели послужили одни и те же действия осужденного, совершенные при одних и тех же обстоятельствах, в конкретный период времени, при этом суд не разделял представленные доказательства по каждому эпизоду.

В качестве последствий совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 201 УК РФ, указаны преднамеренное банкротство предприятия, причинение крупного ущерба кредиторам общества, существенного вреда правам и интересам ООО «СиБойл», в качестве способа - та же схема преступления.

Кроме того, причинение крупного ущерба кредиторам, что было учтено при квалификации действий Б. по ч. 2 ст. 201 УК РФ в качестве последствий данного преступления, является обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ.

При этом при изложении установленных по ч. 2 ст. 201 УК РФ обстоятельств в приговоре не указано какие именно права и законные интересы граждан, организаций, и охраняемые законом интересы государства были нарушены, что наряду с иными обстоятельствами необходимо выяснять и указывать в приговоре.

Таким образом, исходя из установленных судом обстоятельств, наличие в действиях Б. состава преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, исключает его ответственность за те же действия по норме, носящей общий характер и охватывающей лишь часть признаков содеянного.

В соответствии с ч. 3 ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами УК РФ, то совокупность преступлений отсутствует, и уголовная ответственность наступает по специальной норме.

При таком положении Президиум пришел к выводу, что содеянное Б. подлежит квалификации по ст. 196 УК РФ (специальной норме), а общая норма - ч. 2 ст. 201 УК РФ - исключению из объема предъявленного обвинения, как излишне вмененная, поскольку действия Б., совершившего одно преступление, ошибочно квалифицированы несколькими статьями уголовного закона¹.

Таким образом, как было отмечено выше, субъектами преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, являются только руководитель должника или его учредитель (участник). В свою очередь, понятие контролирующего лица, которым оперирует Закон от 26.10.2002г. №127-ФЗ, значительно шире. Очевидно, что невозможность полного погашения требований кредиторов может явиться следствием действий (бездействия) не только руководителя либо учредителя (участника) юридического лица, но и других лиц, обладающих статусом контролирующих. Как и в случае с субъектом преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, невозможно однозначно утверждать, что деяния этих лиц обладают повышенной степенью общественной опасности, и потому только они несут уголовную ответственность в качестве исполнителей преступления. Вопрос об уголовной ответственности лиц, не являющихся специальным субъектом преднамеренного банкротства, решается по правилам ч. 4 ст. 34 УК РФ, если имело место соучастие в преступлении. Привлечение к уголовной ответственности контролирующего лица, не являющегося руководителем должника либо его учредителем (участником), в качестве единоличного исполнителя преступления невозможно.

Содержание прямого умысла при преднамеренном банкротстве выражается в осознании виновным лицом способности совершаемых им действий (бездействия) привести к объективному банкротству, предвидении возможности или неизбежности неполного погашения требований кредиторов и желании наступления этих последствий.

¹ Постановление Президиума Ростовского областного суда от 7 июня 2018г. №44у-115/2018 // www.consultant.ru/ [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

В п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ 21 декабря 2017г. №53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»¹ (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017г. №53) указывается, что контролирующее должника лицо не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности в случае, когда его действия (бездействие), повлекшие негативные последствия на стороне должника, не выходили за пределы обычного делового риска и не были направлены на нарушение прав и законных интересов гражданско-правового сообщества, объединяющего всех кредиторов. Это разъяснения актуально и для целей уголовно-правовой квалификации.

Также необходимо обратить внимание на абз. 3 п. 20 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017г. №53, согласно которому в том случае, когда причиненный контролируемыми лицами, указанными в статье 53.1 ГК РФ, вред исходя из разумных ожиданий не должен был привести к объективному банкротству должника, такие лица обязаны компенсировать возникшие по их вине убытки в размере, определяемом по правилам статей 15, 393 ГК РФ.

Это положение посвящено разграничению субсидиарной ответственности контролирующих лиц по ст. 61.11 Закона от 26.10.2002г. №127-ФЗ и ответственности за убытки, причиненные юридическому лицу нарушением обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица. Аналогичный подход может быть применен и для разграничения преступлений, предусмотренных ст. ст. 196 и 201 УК РФ по признакам субъективной стороны. Если лицо, подпадающее под признаки субъекта преднамеренного банкротства, использует свои полномочия вопреки законным интересам юридического лица и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, но при этом не осознает, что его действия (бездействия) способны привести к объективному банкротству, при наличии иных признаков такое лицо подлежит уголовной ответственности по ст. 201 УК РФ.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. - №3.

«Не охваченными» специальными положениями уголовного закона остаются действия (бездействие) контролирующих лиц, влекущие субсидиарную ответственность по ст. 61.12 Закона от 26.10.2002г. №127-ФЗ, а именно – неподача (несвоевременная подача) заявления должника о собственном банкротстве. Вопрос об введении уголовной ответственности за соответствующие действия (бездействия) в тех случаях, когда они приобретают характер общественно опасных, по отдельной статье уголовного закона требует дополнительного исследования, поэтому на данном этапе мы ограничимся лишь констатацией того обстоятельства, что при наличии к тому оснований они могут быть квалифицированы по ст. 201 УК РФ.

Что касается ст. 195 УК РФ (неправомерные действия при банкротстве), то в каждой из трех ее частей сформулирован самостоятельный состав преступления. Как уже было отмечено, действия (бездействие), входящие в объективную сторону каждого из них, с точки зрения Закона о банкротстве также влекут субсидиарную ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов. Отличительной особенностью составов преступлений, предусмотренных ст. 195 УК РФ, является такой признак объективной стороны, как обстановка (исходя из буквальных формулировок уголовного закона) либо время (исходя из сути данных признаков, поскольку развитие процесса банкротства во времени опосредуется вынесением различных судебных актов): при наличии признаков банкротства (части 1 и 2 ст. 195 УК РФ) и при введении процедуры, применяемой в деле о банкротстве (ч. 3 ст. 195 УК РФ). Причем если второй признак применительно к банкротству граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, сформулирован *expressis verbis*, то применительно к банкротству юридических лиц – через указание на фигуру арбитражного управляющего, который не может появиться в деле о банкротстве ранее введения процедуры наблюдения (аналогично в отношении временной администрации кредитной или иной финансовой организации). Признак введения процедуры, применяемой в деле о банкротстве, не требует дополнительных пояснений, потому что определяется

вынесением арбитражным судом соответствующего определения. Остановимся на признаках объективной стороны составов преступлений, предусмотренных частями 1 и 2 ст. 195 УК РФ.

Подводя итог, отметим, что нормы ст. ст. 195-196 УК РФ в некоторых случаях являются специальными по отношению к норме ст. 201 УК РФ и регулируют отношения по поводу управления юридическим лицом в условиях несостоятельности (банкротства). Действия (бездействие), влекущие субсидиарную ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов (ст. 61.12 Закона о банкротстве), при наличии к тому оснований могут быть квалифицированы по ст. 196 УК РФ (как преднамеренное банкротство), а некоторые из них, совершенные при наличии признаков банкротства, – по ст. 195 УК РФ (как неправомерные действия при банкротстве). Действия (бездействие), влекущие субсидиарную ответственность по ст. 61.12 Закона о банкротстве, при наличии иных признаков состава преступления могут быть квалифицированы по ст. 201 УК РФ, поскольку уголовная ответственность по специальной норме в этом случае не предусмотрена.

3.4. Отграничение от злоупотребления должностных полномочий

Выше неоднократно говорилось о соотношении ст. 201 и ст. 285 УК РФ. В данном параграфе хотелось бы более конкретно описать эти различия.

Как пишет Н. А. Каменский, проведённый сравнительный анализ материалов судебной практики по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 201 УК РФ, а также по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 285 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях может

причинять имущественный ущерб не только равный, но и больший по сравнению с должностным злоупотреблением¹.

Так, например, при совершении преступления служащими в коммерческих и иных организациях встречались случаи причинения имущественного ущерба на сумму в 19 млрд 900 млн рублей², 2 млрд 214 млн рублей³, 1 млрд 087 млн рублей² и т.д.

Коррупция в частной сфере представляет не меньшую общественную опасность, чем в области публичных отношений. Кроме того, деятельность ряда юридических лиц с негосударственной формой собственности зачастую связана с решением общественно значимых задач в научной сфере, медицине и образовании, на стратегически важных, бюджето- и градообразующих предприятиях, объектах жизнеобеспечения, оборонно-промышленного, топливно-энергетического, агропромышленного комплексов, в организациях, являющихся крупными субъектами кредитно-финансовой сферы, а также участвующих в выполнении государственных контрактов, реализации федеральных (региональных) целевых программ и приоритетных национальных проектов и т.д. Происходящие объективные процессы в экономике, в том числе связанные с приватизацией государственного имущества, увеличивают роль организаций «частного» сектора. В этой связи опасность подобных преступлений представляется нам порой недооценённой.

Маловероятно, что в ближайшие годы в доктрине уголовного права сложится единое мнение по вопросу соотношения субъектного состава преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях, и должностных преступлений. Вместе с тем одним из актуальных в настоящее время вопросов является правильное определение нормы закона при квалификации злоупотребления полномочиями, совершённого специальными

¹ Каменский Н. А. О некоторых проблемах квалификации злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях // Вестник ТвГУ. Серия «Право». - 2019. - №1 (57). - С. 241-250.

² Приговор Первомайского районного суда г. Мурманска от 22 ноября 2010г. Дело №1-340/10 // <https://perv.mrm.sudrf.ru/> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

субъектами, отнесёнными к числу должностных лиц Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ в случае, если преступление было совершено до его вступления в законную силу.

Так, согласно ст. 9 УК РФ, преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния. Из указанного правила о действии закона во времени есть исключение. Уголовный закон может распространяться на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона. Общие условия обратной силы уголовного закона закреплены в ст. 10 УК РФ, предусматривающей применение новых норм в случае, если они устраняют преступность деяния, смягчают наказание или иным образом улучшают положение лица, совершившего преступление.

Анализ судебной практики свидетельствует об отсутствии единых подходов при выборе нормы закона. Так, например, в период с декабря 2008 г. по декабрь 2012 г. Т., являясь должностным лицом – генеральным директором открытого акционерного общества, единственным акционером которого является Российская Федерация, осуществивший злоупотребление полномочиями в это время, обвинён в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ¹.

В большинстве других случаев следственно-судебная практика идёт по пути признания лиц, совершивших злоупотребление полномочиями при исполнении обязанностей в государственных (муниципальных) предприятиях и акционерных обществах с доминированием государственного капитала до вступления в силу Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ, служащими коммерческих и иных организаций, а не должностными лицами².

¹ Постановление Рудничного районного суда г. Кемерово от 13 марта 2017г. Дело №1-84/2017 // <https://rudnichny.kmr.sudrf.ru> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

² Приговор Промышленного районного суда г. Оренбурга от 23 июня 2017г. Дело №1-219/2017 // <https://promyshleny.orb.sudrf.ru/> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019); Приговор Среднеахтубинского районного суда Волгоградской области от 31 января 2017г. Дело №1-30/17 // <https://ahtub.vol.sudrf.ru/> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

Н.А. Егорова обращает внимание на то, что верхние пределы санкций ч. 1 ст. 201 и ч. 1 ст. 285 УК РФ одинаковы (четыре года лишения свободы), санкция ч. 1 ст. 285 УК РФ более мягкая: в ней альтернативно предусмотрены штраф в меньших размерах, чем в санкции ч. 1 ст. 201 УК РФ, лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью в качестве основного вида наказания (в санкции ч. 1 ст. 201 УК РФ его нет). Автор делает вывод, что ч. 1 ст. 285 УК РФ должна применяться к деяниям лиц, совершивших злоупотребление полномочиями (ч. 1 ст. 201 УК РФ) до введения в действие новой редакции п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, т.е. имеет обратную силу¹.

По нашему мнению, в случае совершения злоупотребления полномочиями служащими государственных и муниципальных предприятий, а также акционерных обществ с доминированием государственного капитала нельзя сделать однозначный вывод о том, улучшает ли Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ их положение служащих государственных и муниципальных предприятий, а также акционерных обществ с доминированием государственного капитала, совершивших злоупотребление полномочиями. Определить, улучшено либо ухудшено положение «новых» субъектов гл. 30 УК РФ при совершении ими злоупотреблений полномочиями, – достаточно сложный вопрос, требующий урегулирования на законодательном уровне.

Преступления, предусмотренные ч. 1. ст. 201 и ч. 1 ст. 285 УК РФ, согласно ст. 15 УК РФ относятся к категории средней тяжести, а квалифицированные составы (ч. 2 ст. 201 и ч. 3 ст. 285 УК РФ) являются тяжкими преступлениями.

Однако при анализе видов наказаний следует обратить внимание, что штраф в ч. 1 ст. 201 УК РФ установлен в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев. В санкциях ч. 1 ст. 285 УК РФ штраф определён в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или

¹ Егорова Н.А. Новеллы Уголовного кодекса о должностных преступлениях // Законность. 2016. № 2. С 38.

иною дохода осужденного за период до шести месяцев. То есть данный конкретный вид наказания в ст. 285 УК РФ установлен в меньшем размере, чем в ст. 201 УК РФ.

Назначение наказания в виде штрафа за злоупотребление в коммерческих и иных организациях в размере большем, чем предусмотрено за должностное злоупотребление, может ущемлять права лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Например, лицо, выполняющее управленческие функции на государственном (муниципальном) предприятии, совершившее злоупотребление полномочиями до вступления в силу Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ, при назначении наказания в виде штрафа в размере, более чем в 80 тыс. рублей вправе потребовать переквалификации своих действий со ст. 201 на ст. 285 УК РФ с целью назначения штрафа в меньшем размере.

Следует также обратить внимание, что в ч. 1 ст. 201 УК РФ в качестве альтернативного вида наказания предусмотрены обязательные либо исправительные работы, а в ч. 1 ст. 285 УК РФ – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет¹. Привлечение к уголовной ответственности за должностное преступление при условии назначения вышеуказанных видов наказания в данном случае также будет улучшать положение субъекта, так как в УК РФ наказания расположены в порядке от менее строгого к более строгому². При рассмотрении других видов наказаний в анализируемых нормах следует учитывать, арест в ч. 1 ст. 285 УК РФ предусмотрен сроком от четырех до шести месяцев. В ч. 1 ст. 201 данный вид наказания может назначаться на срок до шести месяцев. При выборе данного вида наказания за злоупотребление в коммерческих и иных организациях арест может быть назначен сроком от одного месяца (ч. 1 ст. 54 УК РФ), то есть ниже минимального срока, чем за

¹ В параграфе 1.2 Главы мы уже рассматривали вопрос относительно дополнения санкции ч. 1 ст. 201 УК наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет

² Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. - М., 2009. – С.125.

должностное преступление. Данное обстоятельство несомненно улучшает положение лица, привлекаемого к ответственности по ч. 1 ст. 201 УК РФ.

В ч. 2 ст. 201 УК РФ в качестве альтернативных основных видов наказаний предусмотрены штраф и принудительные работы. В ч. 3 ст. 285 УК РФ в качестве наказания предусмотрено только лишение свободы, являющееся более строгим наказанием.

Касаясь практического аспекта правоприменения, полагаем, что до внесения законодательных изменений судебным органам необходимо назначать наказание лицам, совершившим злоупотребление полномочиями в качестве служащих государственных и муниципальных организаций до вступления в силу Федерального закона № 265-ФЗ, не в большем размере, чем предусмотрено в санкциях ст. 201 и 285 УК РФ. Применение конфискации, которое возможно в случае квалификации деяний по ст. 285 УК РФ, к вышеуказанным «новым» субъектам не соответствует требованиям ч. 1. ст. 10 УК РФ, так как ст. 201 УК РФ не входит в перечень преступлений, по которым согласно гл. 15.1 УК РФ применяется данная мера уголовно-правового характера.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод о том, что злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях могут представлять повышенную общественную опасность по сравнению с общественной опасностью злоупотреблений должностными полномочиями, ответственность за которые предусмотрена ст. 285 УК РФ.

С учётом данного вывода, а также необходимостью реализации мер, направленных на устранение коллизий, возникающих при определении нормы закона (ст. 201 или 285 УК РФ), действовавшей на момент совершения деяния, следует унифицировать санкции в указанных статьях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

Отношения, возникающие в связи с управлениями юридическими лицами, многообразны по своему содержанию и зависят от организационно-правовой формы юридического лица, системы и структуры его органов, а также их компетенции, определяемой не только на законодательном, но и на локальном уровне (учредительным и внутренними документами конкретного юридического лица). Универсальной обязанностью, возложенной на всех лиц, участвующих в управлении какими бы то ни было юридическими лицами, является обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах управляемых юридических лиц. Отношение, в котором реализуется названная обязанность, выступает объектом преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ.

Отношения, обеспечивающие самостоятельное и независимое принятие (согласование) решений (деловых применительно к гл. 23 УК РФ и властных применительно к гл. 30 УК РФ) в пределах своей компетенции лицами, выполняющими управленческие функции в организациях, также являются универсальными для всех юридических лиц. Эти отношения выступают объектом преступлений, предусмотренных статьями УК РФ об ответственности за коммерческий подкуп (204, 204.1 и 204.2) и взяточничество (290, 291, 291.1, 291.2). Однако данные отношения не рассматриваются в настоящей работе, поскольку одна из поставленных нами задач состоит в использовании подходов, выработанных в рамках иных отраслей права, для целей уголовно-правовой квалификации. Поскольку иное отраслевое регулирование соответствующих отношений не разработано, решение данной задачи при их исследовании не представляется возможным.

Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства позволил сделать вывод, что во всех изученных нами уголовных кодексах стран ближнего зарубежья в качестве основного или дополнительного наказания за

совершение простого состава злоупотребления полномочиями предусмотрено лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. По ч. 1 ст. 201 УК РФ такой вид наказания отсутствует, в отличие, от санкции ч. 1 ст. 285 УК РФ. При этом как по ст. 201 УК РФ, так и ст. 285 УК РФ речь идет о специальных субъектах, наделенных определенными обязанностями, обусловленными их статусом в организации.

В работе был проведен подробный анализ объективных и субъективных признаков, по которым проводится разграничение между ст. 201 и 285 УК РФ, а также санкций данных норм.

Так, преступления, предусмотренные ч. 1. ст. 201 и ч. 1 ст. 285 УК РФ, согласно ст. 15 УК РФ относятся к категории средней тяжести, а квалифицированные составы (ч. 2 ст. 201 и ч. 3 ст. 285 УК РФ) являются тяжкими преступлениями.

Однако при анализе видов наказаний следует обратить внимание, что штраф в ч. 1 ст. 201 УК РФ установлен в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев. В санкциях ч. 1 ст. 285 УК РФ штраф определен в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев. То есть данный конкретный вид наказания в ст. 285 УК РФ установлен в меньшем размере, чем в ст. 201 УК РФ, что может ущемлять права лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Например, лицо, выполняющее управленческие функции на государственном (муниципальном) предприятии, совершившее злоупотребление полномочиями до вступления в силу Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ, при назначении наказания в виде штрафа в размере, более чем в 80 тыс. рублей вправе потребовать переквалификации своих действий со ст. 201 на ст. 285 УК РФ с целью назначения штрафа в меньшем размере.

Арест в ч. 1 ст. 285 УК РФ предусмотрен сроком от четырех до шести месяцев. В ч. 1 ст. 201 УК РФ данный вид наказания может назначаться на срок

до шести месяцев. При выборе данного вида наказания за злоупотребление в коммерческих и иных организациях арест может быть назначен сроком от одного месяца (ч 1. ст. 54 УК РФ), то есть ниже минимального срока, чем за должностное преступление. Данное обстоятельство несомненно улучшает положение лица, привлекаемого к ответственности по ч. 1 ст. 201 УК РФ.

В ч. 2 ст. 201 УК РФ в качестве альтернативных основных видов наказаний предусмотрены штраф и принудительные работы. В ч. 3 ст. 285 УК РФ в качестве наказания предусмотрено только лишение свободы, являющееся более строгим наказанием.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод о том, что злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях могут представлять повышенную общественную опасность по сравнению с общественной опасностью злоупотреблений должностными полномочиями, ответственность за которые предусмотрена ст. 285 УК РФ.

С учётом данного вывода, а также необходимостью реализации мер, направленных на устранение коллизий, возникающих при определении нормы закона (ст. 201 или 285 УК РФ), действовавшей на момент совершения деяния, следует унифицировать санкции в указанных статьях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12.12.1993
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 26 декабря 1995г. №208-ФЗ «Об акционерных обществах» //Собрание законодательства РФ. – 1996. - №1. - Ст. 1.
4. Федеральный закон от 12 января 1996г. №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» //Собрание законодательства РФ. – 1996. - №3. - Ст. 145.
5. Федеральный закон от 8 мая 1996г. №41-ФЗ «О производственных кооперативах» //Собрание законодательства РФ. – 1996. - №20. - Ст. 2321.
6. Федеральный закон от 26 октября 2002г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» //Собрание законодательства РФ. – 2002. - №43. - Ст. 4190.
7. Федеральный закон от 25 декабря 2008г. №280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. - №52 (ч. 1). - Ст. 6235.
8. Федеральный закон от 13 июля 2015г. №265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. – 2015. - №29 (часть I). - Ст. 4391.
9. Федеральный закон от 29 декабря 2017г. № 469-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2017. - №1 (Ч. I.). - Ст. 53.

10. Бриллиантов А., Яни П. Должностное лицо: административно-хозяйственные функции, выполнение функций по специальному полномочию // Законность. - 2010. - №7. – С.19-23.
11. Бриллиантов А., Яни П. Должностное лицо: организационно-распорядительные функции // Законность. - 2010. - №6. – С.10-15.
12. Бугаевская Н.В. Новые признаки должностных лиц // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. - 2015. - № 4-2. - С. 106-110
13. Быкова Е.Г., Яшков С.А. К вопросу о признании должностным лицом руководителей коммерческих организаций // Уголовное право. - 2015. - №3. - С.4-9.
14. Григорьев В.Н. Понятие должностного лица в уголовном праве: дис. ... канд. юр. наук. - Екатеринбург, 2001. – 161с.
15. Егорова Н.А. Новеллы Уголовного кодекса о должностных преступлениях // Законность. - 2016. - №2. – С.34-38.
16. Егорова Н.А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции: дис. ... д-ра юр. наук. - Волгоград, 2006. – 579с.
17. Изосимов С.В. Теоретико-прикладной анализ служебных преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... д-ра юр. наук. - Н. Новгород, 2004. – 61с.
18. Изосимов С.В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления, совершаемые в коммерческих и иных организациях: История, современность, перспективы развития. – СПб.: Юридический центр-Пресс., 2013. – 948с.
19. Каменский Н.А. К вопросу об объекте уголовно-правовой охраны состава преступления, предусмотренного ст. 201.1 УК РФ // Алтайский юридический вестник. – 2019. - №1(25). – С.53-58.

20. Каменский Н. А. О некоторых проблемах квалификации злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях // Вестник ТвГУ. Серия «Право». - 2019. - №1 (57). - С. 241-250.

21. Камынин И.Д. Должностное положение лиц, представляющих интересы государства в акционерных обществах // Российская юстиция. - 2001. - №1. - С. 57-58.

22. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики// Российский криминологический взгляд. – 2006. - №3. - С. 136-137.

23. Комментарий к УК РСФСР / Под ред. Ю.Д. Северина. - М., 1984. – 528с.

24. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. - СПб, 2004. – 364с.

25. Лермонтов Ю.М. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // <http://www.consultant.ru/> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

26. Любавина М.А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10 февраля 2000 года № 6 с изменениями, внесенными Постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля - СПб, 2012. – 72с.

27. Макарова О.А., Попондопуло В.Ф. Корпоративное право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. - М., 2018. – 413с.

28. Медведев Е.В. Механизм проявления общественной опасности преступлений, совершаемых в форме бездействия // Российский следователь. - 2018. - №11. - С. 49-52.

29. Михалев И.Ю. Криминальное банкротство. - СПб., 2001. - 215с.

30. Назаров О.В. О новых субъектах халатности, получения взятки и других преступлений главы 30 УК РФ // Законодательство и экономика. - 2015. - №9. – С.65-72.

31. Намуун Пурэвжал. Особенности объективной стороны злоупотребления должностными полномочиями в законодательстве России и Монголии // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 11 мая 2018 г.) / отв. ред. И. Г. Рагозина, Ю. В. Деришев. – Омск: Омская юридическая академия, 2018. – С.149-151.

32. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А.В. Баркова, В.М.Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос.ун-та, 2010. – 1064 с.

33. Рарог А.И. Уголовно-правовые амбиции российского законодателя // Судья. - 2016. - №4. - С. 10-12.

34. Ровнейко В.В. Некоторые проблемы совершенствования понятия «Должностное лицо» в Российском уголовном праве // Вестник удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 6. С. 121 - 122.

35. Румак В. В отличие от мошенничества, состав злоупотребления полномочиями можно назвать «резиновым» [Интервью с П.С. Яни] // Закон. - 2018. - №10. - С. 6-16.

36. Семенюк А. В. Зарубежный опыт реализации уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий // Молодой ученый. - 2019. - №13. - С. 206-208.

37. Ташкинов А.В. Уголовно-правовая политика государства в борьбе с преступлениями против интересов службы в коммерческих и иных организациях: автореф. дис. ... канд. юр. наук. - Н. Новгород, 2008. – 30с.

38. Уголовный кодекс Испании // URL: artlibrary2007.narod.ru/kodeks/ispanii_uk.doc. [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

39. Уголовный кодекс Кыргызской Республики, введен в действие Законом КР от 24 января 2017 года № 10 с 1 января 2019 года // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527?cl=ru-ru> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

40. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г., № 275-3 // Эталон – Беларусь Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – 457с.

41. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. №226-V // https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252#pos=3469;-40&sel_link=1004489550_9 [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

42. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. - М., 2009. – 580с.

43. Федоринин Н.К. Причинная связь при бездействии в уголовном праве // *Juvenis scientia*. - 2017. - №6. - С. 42-45.

44. Хлус А.М. Уголовно-правовое и криминалистическое понимание объекта преступного посягательства при злоупотреблении властью или служебными полномочиями // *Синергия*. - 2018. - №3. – С.73-78.

45. Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. - М., 2001. – 479с.

46. Чирков А.П. Проблемы определения субъекта преступлений коррупционной направленности // *Уголовное право*. - 2013. - №5. - С. 112-113.

47. Шнитенков А.В. Ответственность за преступления против интересов службы: дис. ... д-ра юр. наук. - Оренбург, 2006. – 450с.

48. Яни П. Использование служебного положения при хищении вверенного имущества // *Законность*. - 2010. - №3. – С.5-8.

49. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2017г. №1541-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бочарова Олега Севастьяновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 17, частью второй статьи 195, частью первой статьи 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 97 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 75.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // www.consultant.ru/ [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

50. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 25 декабря 1996 г. Определение №72-096-2 по делу П. // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 1997. - №4.

51. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 4 октября 2000г. за второй квартал 2000 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2000. - №2.

52. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009г. №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» //Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. - №12.

53. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013г. №62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» //Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). – 2013. - №34.

54. Постановления Пленума Верховного Суда РФ 21 декабря 2017г. №53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. - №3.

55. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 2 июля 2015г. Дело №22-1442/2015 // www.consultant.ru/ [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

56. Постановление Президиума Верховного суда Чувашской Республики от 13 декабря 2013г. Дело №44-У-329/2013 // www.consultant.ru/ [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

57. Постановление Президиума Московского областного суда от 21 мая 2014 г. Дело №44у-167/2014. // www.consultant.ru/ [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

58. Постановление Президиума Ростовского областного суда от 7 июня 2018г. №44у-115/2018 // www.consultant.ru/ [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

59. Постановление Президиума Самарского областного суда от 19 января 2017г. Дело №44у-8/2017 // www.consultant.ru/ [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

60. Постановление Рудничного районного суда г. Кемерово от 13 марта 2017г. Дело №1-84/2017 // <https://rudnichny.kmr.sudrf.ru> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

61. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти от 30 октября 2017г. Дело №1-803/2017 // <http://sud-praktika.ru/precedent/439736.html> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

62. Приговор Курчатовского городского суда Курской области от 6 октября 2010 г. Дело №1-74/2010. // <https://kurchatovsky.krs.sudrf.ru/.sudrf.ru/> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

63. Приговор Ленинского районного суда г. Краснодара от 8 мая 2013 г. Дело №1-325/2013. // <https://krasnodar-leninsky.krd.sudrf.ru/> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019)

64. Приговор Октябрьского районного суда г. Краснодара от 4 декабря 2013 г. Дело №1-437/2013 // <https://krasnodar-oktybrsky.krd.sudrf.ru/> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019)

65. Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 23 марта 2017г. Дело №1-54/2017 // <http://sud-praktika.ru/precedent/257607.html> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

66. Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 25 октября 2017г. Дело №1-234/2017 // <http://sud-praktika.ru/precedent/545177.html> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

67. Приговор Первомайского районного суда г. Мурманска от 22 ноября 2010г. Дело №1-340/10 // <https://perv.mrm.sudrf.ru/> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

68. Приговор Промышленного районного суда г. Оренбурга от 23 июня 2017г. Дело №1-219/2017 // <https://promyshlenu.orb.sudrf.ru/> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019)

69. Приговор Среднеахтубинского районного суда Волгоградской области от 31 января 2017г. Дело №1-30/17 // <https://ahtub.vol.sudrf.ru/> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).

70. Приговор Центрального районного суда г. Твери от 05.06.2017 г. Дело №1-64/2017 // <https://centralny.twr.sudrf.ru.> [Электронный ресурс]: (дата обращения: 08.05.2019).